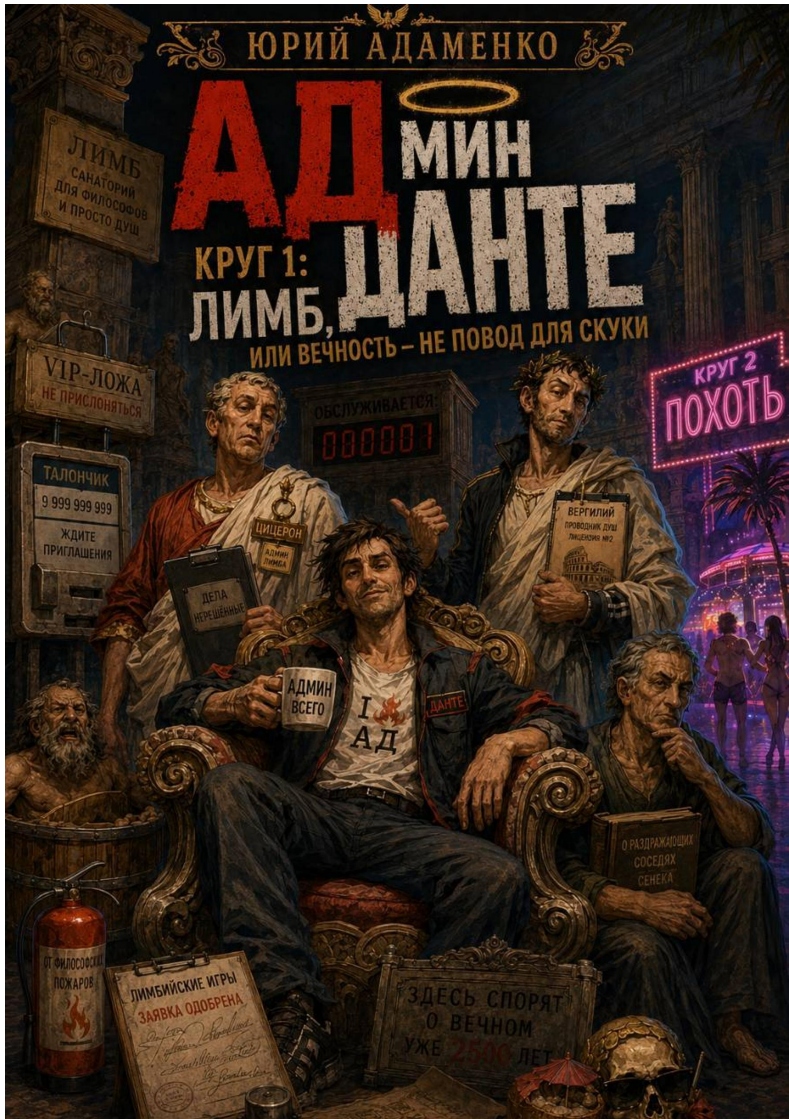


ЮРИЙ АДАМЕНКО

АДМИН ДАНТЕ

КРУГ 1: ЛИМБ, ДАНТЕ

ИЛИ ВЕЧНОСТЬ — НЕ ПОВОД ДЛЯ СКУКИ



Юрий Адаменко

Админ Данте. Круг 1. Лимб

<https://litres.ru/74645904>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что будет, если обычный парень попадёт в Ад, а вместо котлов и пыток обнаружит очередь, бюрократию и философов, которые две тысячи лет не могут договориться?

Дмитрий Дантес умер нелепой смертью и получил второй шанс. Правда, не на жизнь, а на загробные приключения.

В его новой реальности, Вергилий работает проводником и мечтает о нормальной смене. Диоген живёт в VIP-бочке. Сократ способен превратить любой разговор в пытку. Сенека философствует даже тогда, когда лучше бы помолчать. А демоны считают, что хорошее настроение в Аду, это серьёзное нарушение порядка.

Чтобы выбраться из первого круга, Димону придётся помирить философов, организовать Адские игры и вывести на чистую воду того, кому выгоден вечный хаос.

Юмор, сатира, приключения и великие мыслители, которым давно пора выдать по отдельной палате.

Добро пожаловать в Лимб.

Вечность — не повод для скуки!

Юрий Адаменко

Админ Данте. Круг 1. Лимб

1

Глава 1. Микроволновка как способ познания вечности

Суббота — это день, когда нормальные люди спят до обеда, пьют кофе с корицей и строят планы на вечер. Ну, или хотя бы просто валяются в кровати, глядя в потолок и ни о чём не думая.

У меня, Дмитрия Дантеса, двадцати восьми лет от роду, суббота была днём, когда я стоял в душном мебельном гипермаркете «Шкаф и точка» и собирал очередной кухонный гарнитур. Вернее, даже не собирал, а переставлял витрину с микроволновками, потому что начальнику отдела Андрею Викторовичу, или просто Викторычу, в очередной раз что-то там привиделось в его лысеющей голове.

— Дантес! — раздался его скрипучий голос откуда-то из-за стеллажей. — Ты где там застрял? Витрину с СВЧ уже час как надо перетащить! У нас новая коллекция обеденных столов, а ты тут со своими коробками копаешься!

Новая коллекция обеденных столов. Звучит так, будто в Лувре экспозицию обновляют, честное слово. На деле, три фанерных стола с маркировкой «эконом-сегмент», которые

развалятся через полгода, если на них поставить что-то тяжелее тарелки с пельменями. Но Викторыч говорил об этом с таким пафосом, будто лично принимал роды у каждого стула в этом магазине.

Я закатил глаза, что, учитывая мой рост метр восемьдесят пять и общую потрёпанность жизнью, выглядело, наверное, комично. Ну, если бы кто-то смотрел. Но смотреть было некому, покупатели в субботний час пик носились по залу, как муравьи, у которых разрушили муравейник и теперь им срочно нужен новый диван.

— Уже иду, Викторыч! — крикнул я в ответ, откладывая в сторону шуруповёрт и вытирая руки о форменную жилетку болотного цвета. Жилетка эта была мне велика размера на два, пахла какой-то химией и, кажется, помнила ещё те времена, когда магазин назывался просто «Шкаф». Без точки. Точку добавили, когда провели ребрендинг. Смысла не добавили, а точку — да. Прогресс.

Я как раз закончил собирать последний ящик выставочного комода и теперь должен был перетащить три микроволновки с одной тумбы на другую. План был прост, как всё в моей жизни, взять коробку, отнести на десять метров левее, поставить красиво, повторить. План меня устраивал. Никаких сюрпризов.

Сюрпризы, впрочем, начались сразу, как только я взял в руки первую коробку.

Дело было в стажёре. Его звали Аркаша, ему было девят-

надцать, и он был настолько старательным, что аж зубы сводило. Аркаша пришёл к нам две недели назад по программе «Молодые кадры» и с тех пор пытался доказать всем, что он будущее этой компании. Будущее выражалось в том, что он мыл полы три раза в день, вытирал пыль с каждой полки и пытался продать людям расширенную гарантию на табуретки.

Честно говоря, я его даже немного уважал. Не за ум, а за упорство. Умом парень не блистал, но энергии у него было столько, что хватило бы на небольшой город. И вот эта самая энергия сейчас была направлена на то, чтобы превратить пол отдела кухонных гарнитуров в подобие катка.

— Аркаша, ты опять полы намыл? — спросил я, чувствуя, как подошвы форменных ботинок скользят по глянцевой поверхности ламината.

— Да, Дмитрий Николаевич! — радостно отрапортовал он, появляясь из-за угла с ведром и шваброй. — Специальным средством! Для блеска! Смотрите, как сияет!

Сияло и впрямь так, что можно было смотреться, как в зеркало. Одно «но»: специальное средство для блеска, судя по всему, состояло на девяносто процентов из силикона, который делал поверхность скользкой, как лёд на катке.

— Аркаш, — сказал я максимально спокойно, хотя внутри уже зрело нехорошее предчувствие. — Ты читал инструкцию к средству?

— А что её читать? — он жизнерадостно пожал плечами.

— Я на глаз развёл. Ну, чтоб наверняка. Чтоб блестело!

— Оно блестит, да. Но по нему же ходить нельзя.

— Почему? Я уже прошёлся. Ну, упал пару раз. Но это ничего!

Я глубоко вздохнул и посмотрел на коробку в руках. Микроволновая печь, вес, двенадцать килограммов. В коробке ещё пенопласт, инструкция и гарантийный талон. Тяжёлая дура, короче. И вот с этой душой мне предстояло пройти десять метров по полу, который сейчас обладал сцеплением хуже, чем мокрая плитка в бассейне.

— Ладно, — пробормотал я себе под нос. — Димон, ты справишься. Ты же профессионал. Сборщик мебели первого разряда. Ты можешь собрать шкаф-купе с закрытыми глазами, ты можешь...

— Дантес! — снова заорал Викторыч. — Я кому сказал?!

— Иду, мать твою!

Я осторожно, очень осторожно двинулся вперёд. Первые несколько шагов дались относительно легко, я шёл медленно, ставя ногу на всю стопу, как пингвин. Коробка закрывала мне обзор, но я помнил планировку отдела наизусть. Сейчас прямо, потом мимо стеллажа с вытяжками, поворот налево, и вот она, витрина с бытовой техникой.

Проходя мимо стеллажа, я краем глаза заметил ценник, висящий на одной из вытяжек. «Ультрасовременная модель с турбо-режимом. Скидка 30%». Тридцать процентов скидки на вытяжку, которая в турбо-режиме гудит, как взлетаю-

щий боинг. Отличное предложение.

Мои мысли текли в привычном саркастическом русле, когда левая нога внезапно поехала вперёд, а правая, повинувшись законам физики, осталась на месте. Точнее, попыталась остаться, но подошва предательски скользнула по силиконовому покрытию, и я с ужасом осознал, что выполняю классический шпагат.

Шпагат я не тянул никогда в жизни. Даже в школе на физкультуре, когда нас заставляли, я позорно пыжился и не мог опуститься ниже, чем на полметра от пола. Сейчас же организм, видимо, решил наверстать упущенное за все двадцать восемь лет.

Мышцы в паху пронзила острая боль. Я взвыл.

— А-а-а-а!

Коробка с микроволновкой вылетела из рук и, кувыркаясь, полетела в сторону стеллажа. Я же, потеряв равновесие окончательно, завалился назад. Помните, я говорил про стеллаж с вытяжками? Так вот, он оказался прямо на траектории моего падения.

Затылок встретился с металлической полкой, на которой стояли три демонстрационные модели вытяжек. Полка была крепкой, китайской, из какой-то хромированной стали. Моя голова оказалась менее крепкой.

Звук удара был глухим и каким-то окончательным. Перед глазами вспыхнули яркие круги, которые быстро сменились тёмными пятнами. Я попытался ухватиться за что-нибудь,

но пальцы лишь скользнули по гладкому боку вытяжки, на которой всё ещё болтался идиотский ценник «Скидка 30%».

— Дмитрий Николаевич! — донёсся откуда-то издалека испуганный голос Аркаши.

А потом сверху упала микроволновка.

Не та, которую я нёс. Та коробка отлетела в сторону и теперь валялась где-то у соседнего стеллажа, раскрывшись и рассыпав пенопласт. Нет, на меня упала демонстрационная микроволновка, которая стояла на самой верхней полке стеллажа. Видимо, когда я ударился головой, стеллаж покачнулся, и плохо закреплённая СВЧ решила, что ей пора лететь.

Двенадцать килограммов китайского пластика и магнетрон, усиленные ускорением свободного падения, приземлились мне аккурат на грудную клетку. Я услышал хруст. Не микроволновки, а рёбер.

Боль была такой силы, что я даже не смог закричать. Только открыл рот, как рыба, выброшенная на берег, и сделал судорожный вдох. Воздух пах пластиком, пенопластом и ароматизатором «Морской бриз», который Аркаша, видимо, добавил в своё средство для мытья полов.

В голове, несмотря на нарастающую темноту и шум в ушах, царила удивительная ясность. Сознание работало чётко и быстро, перебирая события последних минут и вынося им свою оценку.

«Итак, Димон, — подумал я. — Ты лежишь на полу в ме-

бельном магазине с проломленным затылком и сломанными рёбрами. На тебе уродливая жилетка болотного цвета. Над тобой разбитая микроволновка. Вокруг, лужа из силиконового средства для мытья полов. Воняет химическим лимоном. Суббота, час пик».

Я попытался пошевелить рукой. Не получилось.

«Стоит признать, это не самый героический способ отправиться на тот свет».

Перед моим внутренним взором пронеслись возможные варианты достойной смерти. Погибнуть, спасая кого-то из огня. Умереть в бою. Броситься под пулю, закрывая собой ребёнка. Да даже просто спрыгнуть с моста, спасаясь от погони, и то было бы круче.

Вместо этого я лежал в отделе кухонных гарнитуров и умирал от того, что стажёр Аркаша не прочитал инструкцию к моему средству, а микроволновка оказалась плохо закреплена.

«Хоть готовить не придётся», — мелькнула последняя мысль. И я почти улыбнулся ей.

Где-то на периферии слуха раздавались крики. Кажется, Викторыч орал, чтобы вызвали скорую. Какая-то женщина визжала. Аркаша плакал и причитал: «Я не хотел, я не хотел, я только полы помыл...»

Темнота накатывала волнами. Не страшная, не пугающая, а какая-то даже уютная. Как будто засыпаешь после тяжёлого рабочего дня. Рабочего дня, который стал последним. Обид-

но, конечно. У меня ещё столько планов было. Ну, как планов. Хотел взять отпуск. Съездить куда-нибудь, где нет мебели. И людей, которым нужна мебель. И начальников, которые орут про мебель.

Последним, что я услышал в мире живых, был голос Аркаши:

— Он дышит? Кто-нибудь, проверьте, он дышит?!

«Уже нет, Аркаша», — подумал я. — «Уже нет. Спасибо за блестящие полы».

И темнота приняла меня целиком, без остатка, словно я нырнул в чёрную воду и не собирался всплывать.

Сознание погасло.

На несколько мгновений, которые могли быть и секундами, и вечностью, не было вообще ничего. Ни чувств, ни ощущений. Абсолютный ноль. Пустота, в которой я растворился без остатка.

А потом...

Потом я открыл глаза.

Вернее, не открыл. Глаз у меня больше не было. Но я их открыл. Это сложно объяснить, но факт остаётся фактом, я снова мог видеть, слышать и, что самое неприятное, чувствовать. Первым чувством было возмущение.

«Серьёзно? Я умер? Вот так? Из-за микроволновки и стажёра-идиота?!»

Вторым чувством было осознание, что вокруг меня серый туман, а под ногами... ничего. Я висел в пространстве, и

единственным твёрдым объектом поблизости был какой-то странный постамент, на котором лежал...

Я присмотрелся.

Это было моё тело.

В болотной жилетке. С бейджиком «Дмитрий Дантес. Сборщик мебели». С выражением крайнего недоумения на мёртвом лице. Даже после смерти моя физиономия выглядела так, будто её владельца обсчитали на кассе.

— Ну, — произнёс я вслух, и голос прозвучал глухо, как через вату, — хотя бы на том свете не придётся выслушивать Викторыча.

Я ошибался. На том свете меня ждало кое-что похуже начальника отдела продаж... впрочем, это уже совсем другая история.

Серое пространство, в которое я попал после того, как моё брэнное тело осталось лежать на полу мебельного магазина, больше всего напоминало зал ожидания. Но не обычный зал ожидания, где люди сидят на относительно удобных креслах, листают журналы и ждут своего рейса.

Нет.

Это был зал ожидания, спроектированный, по всей видимости, архитектором, который всю жизнь работал в жанре «депрессивный минимализм» и ни разу не видел живого человека. Серые стены уходили куда-то в бесконечность вверх, теряясь в таком же сером тумане. Серый пол, на котором не

было ни единой трещинки, ни единого пятнышка, тянулся во все стороны, насколько хватало глаз. Серый свет, непонятно откуда берущийся, не давал теней, отчего всё вокруг казалось плоским и ненастоящим.

И посреди всего этого великолепия стояла Очередь.

Не просто так это слово с большой буквы. Очередь заслуживала уважения. Она была древней. Она была монументальной. Она была, мать её, бесконечной.

Представьте себе змею. Потом представьте, что эта змея состоит из миллионов человеческих фигур. Потом представьте, что эта змея извивается, уходит за горизонт, теряется в сером тумане и, кажется, замыкается сама на себя где-то в другой галактике. Примерно так выглядела Очередь душ, ожидающих своей регистрации в загробном мире.

Я пришёл в себя уже стоящим в этой очереди.

Как я здесь оказался? Что было между моментом, когда микроволновка проломила мне грудную клетку, и моментом, когда я открыл глаза в этом сером чистилище? Ни малейшего понятия. Видимо, процесс перемещения души в загробный мир занимает какое-то время, и сознание просто отключается на период транспортировки. Как в самолёте, взлетаешь, засыпаешь и просыпаешься уже в другом городе. Только вместо города, непонятное серое нечто, а вместо самолёта — факт твоей собственной смерти.

Я потратил несколько секунд на то, чтобы осмотреть себя. Выглядел я так же, как и при жизни. Те же руки, те же

ноги, та же дурацкая жилетка болотного цвета с бейджиком «Дмитрий Дантес. Сборщик мебели». Видимо, в загробном мире действовал дресс-код «в чём умер, в том и ходи». Интересно, а те, кто умер в душе, так и стоят тут голышом? Или те, кто умер в костюме клоуна? Хотя клоунов, наверное, в Рай не пускают. Или в Ад. Клоуны — это вообще отдельная статья.

— Простите, — раздался робкий голос справа.

Я повернул голову.

Рядом со мной стоял мужчина лет тридцати пяти, в мятом офисном костюме, с галстуком, съехавшим набок, и с выражением лица человека, который только что обнаружил, что его бухгалтерский отчёт не сходится на три копейки. На носу у него сидели очки с толстыми линзами, и он нервно поправлял их каждые несколько секунд.

— Простите, — повторил он. — Вы не подскажете, это очередь в... ну... туда?

Он неопределённо махнул рукой куда-то вперёд.

— Понятия не имею, — честно ответил я. — Я тут вообще впервые. Буквально пять минут как умер.

— О, — очкарик понимающе кивнул, будто ему каждый день сообщали о том, что кто-то умер пять минут назад. — Сочувствую. А я уже три дня стою. Или три года? Тут сложно с временем.

— Три дня?! — я невольно повысил голос. — Серьёзно?

— Ну, может, и не три дня. Может, тридцать лет. Я не

уверен. Тут нет ни часов, ни смены дня и ночи, ничего. Просто серый свет и всё. Я пытался считать по пульсу, но у меня пульса нет. Попробовал считать по морганиям, но я не уверен, моргаю ли я вообще. Это, знаете ли, дезориентирует.

Он говорил быстро, немного запинаясь, и было видно, что ему очень хочется с кем-то поговорить. Одиночество в очереди, судя по всему, было той ещё пыткой.

— А как вы умерли? — спросил я, просто чтобы поддержать разговор. В конце концов, если нам предстоит стоять тут вечность, лучше познакомиться с соседями.

— О, это очень глупая история, — очкарик смущённо поправил галстук. — Я бухгалтер. Старший бухгалтер «Промстройинвестпроекта». И я умер от скуки.

— От скуки? — я недоверчиво приподнял бровь. — В смысле, в буквальном смысле от скуки?

— В самом буквальном. У нас было совещание по бюджетированию на третий квартал. Начальник департамента, Семён Аркадьевич, взял слово и начал рассказывать о новых методиках расчёта амортизации. И он говорил. И говорил. И говорил. Шесть часов подряд, без перерыва. С графиками, таблицами и диаграммами. На седьмом часу я почувствовал, как моё сердце просто остановилось. Врачи потом сказали, острая сердечная недостаточность. Но я-то знаю, что это была просто скука. Смертельная скука.

Он замолчал и тяжело вздохнул. Потом посмотрел на меня с надеждой:

— А вы?

— Микроволновка, — коротко ответил я.

— Что, простите?

— Микроволновка. Упала на меня. В мебельном магазине. Я поскользнулся на мокром полу, ударился головой о стеллаж, а сверху прилетела микроволновка.

Очкарик несколько секунд переваривал информацию. Потом его губы дрогнули.

— Простите, — сказал он, давясь. — Я не хотел смеяться. Это ужасная смерть.

— Смейтесь, — великодушно разрешил я. — Я сам смеюсь. Вернее, смеялся бы, если бы не было так обидно.

— Нет-нет, я не буду, — он мужественно сдерживался, но глаза его предательски блестели. — Просто... микроволновка... Это даже хуже, чем моя скука.

— Спасибо за поддержку.

— Я не хотел вас обидеть! Меня зовут Игорь, кстати. Игорь Семёнович. Бывший старший бухгалтер.

— Димон. То есть Дмитрий. Дантес. Бывший сборщик мебели.

Я огляделся по сторонам. Очередь вокруг нас жила своей жизнью. Люди, если их можно было так назвать, стояли, сидели и лежали прямо на сером полу. Кто-то разговаривал с соседями, кто-то смотрел в одну точку отсутствующим взглядом, кто-то пытался пролезть вперёд, но натыкался на невидимую преграду и возвращался на место. Система была

отлажена, каждый стоял ровно там, где должен был стоять, и двигался только тогда, когда очередь продвигалась.

— Давно тут стоите? — спросил я у Игоря, просто чтобы что-то спросить.

— Я же говорю, не знаю. Может, три дня. Может, три года. Я пытался засекал время по движению очереди, но она движется неравномерно. Иногда мы стоим на месте несколько часов подряд, иногда делаем десять шагов за минуту. Это какая-то хаотическая система. Я пробовал строить графики, но без данных это невозможно.

— Вы даже после смерти пытаетесь строить графики?

— А что ещё делать? — он беспомощно развёл руками.

— Я бухгалтер. Я не умею по-другому.

Я хотел ответить что-то саркастичное про бухгалтеров и их привычки, но в этот момент над очередью разнёсся металлический голос. Он доносился откуда-то сверху, из серого тумана, и звучал так, будто робот читал инструкцию к стиральной машине:

— Внимание, граждане грешники. Сохраняйте спокойствие. Ваше обращение будет рассмотрено в порядке живой очереди. Ориентировочное время ожидания составляет двести лет. Приносим извинения за временные неудобства.

По очереди прокатился тяжёлый коллективный вздох.

— Двести лет?! — я аж поперхнулся. — Он сказал двести лет?!

— Ну, — Игорь философски пожал плечами, — они все-

гда так говорят. В первый день я тоже возмущался. Потом привыкаешь. Знаете, тут многие стоят уже не первую сотню лет. Вон тот дедушка, — он кивнул куда-то вперёд, — говорит, что застал ещё старую систему. Тогда вообще талонов не было, просто стояли и ждали. Талончики ввели где-то в тысяча восемьсот каком-то году.

— И никто не возмущается?!

— А кому возмущаться? Ангелов-администраторов нет, демонов-контролёров нет, одни души. Кричи не кричи, никто не услышит.

Я не собирался с этим мириться. Я вообще по жизни был не из тех, кто молча стоит в очереди. В мебельном магазине я всегда пролезал в столовую без очереди, а когда кто-то возмущался, делал лицо «я тут работаю, мне можно». Сейчас у меня не было лица «мне можно», но была злость. Злость — это тоже неплохое топливо.

— Эй! — заорал я, задрав голову к серому потолку. — Эй, вы там, наверху! У меня встреча в Аду вообще-то! Мне нельзя ждать двести лет!

Металлический голос, который до этого замолчал, снова ожил:

— Гражданин грешник, ваше обращение зафиксировано. Номер вашего талона: девять миллиардов девятьсот девяносто девять миллионов девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять. Пожалуйста, ожидайте.

— Девять миллиардов?! — я опустил глаза и только сей-

час заметил, что в моей левой руке зажат маленький бумажный талончик. Точно такой же, как в обычных поликлиниках, только вместо номера длинная строка цифр. Я поднёс его к глазам и пересчитал. Действительно, десять цифр. 9 999 999 999. Красивое число, ничего не скажешь.

— Это что, — спросил я у Игоря, — я девятимиллиардный клиент?

— Нет, нумерация идёт в обратную сторону, — пояснил он тоном опытного завсегдатая. — Сейчас обслуживается номер один. Или около того. Видите табло?

Я посмотрел туда, куда он показывал. Над головами очереди, метрах в ста впереди, висело огромное электронное табло, похожее на те, что в аэропортах показывают время вылета. На табло горели яркие красные цифры: «Обслуживается: 000 001». И ниже: «Среднее время обслуживания одной души: 0,0001 секунды».

— Подождите, — я напряг свой математический аппарат, который не использовался со школьных времён. — Если они обслуживают одну душу за одну десятитысячную секунды, то... это же...

— Это примерно двести пятьдесят тысяч лет ожидания, если считать грубо, — спокойно сказал Игорь. — Но я думаю, что они преувеличивают. Может, всего сто тысяч. Или сто пятьдесят.

— Сто пятьдесят тысяч лет?!

— Ну да. Но вы не переживайте, тут время идёт иначе.

Может, вы и не заметите.

Я ошарашенно замолчал. Сто пятьдесят тысяч лет в очереди. Это было... я даже не мог подобрать слово. Я думал, что после смерти меня ждут котлы с кипящим маслом, черти с вилами, грешники на сковородках. К такому я был морально готов. Ну, не то чтобы готов, но в моём представлении Ад выглядел именно так. Огонь, сера, крики и демоны. Классика жанра.

А вместо этого, очередь. Бесконечная, бюрократическая, абсурдная очередь, в которой души стоят сотни тысяч лет, чтобы просто зарегистрироваться.

Я открыл было рот, чтобы высказать всё, что думаю об этой системе, но тут стоящая впереди женщина лет сорока, до этого молчавшая, обернулась и устало сказала:

— Не тратьте силы, молодой человек. Мы все через это прошли. Фазы отрицания, гнева, торга. Я лично на стадии принятия. Уже лет тридцать как на стадии принятия.

— И давно вы тут стоите? — спросил я.

— Я умерла в тысяча девятьсот девяносто втором, — ответила она. — Роды. Врачи не справились. И с тех пор я здесь. Сначала я плакала. Потом кричала. Потом пыталась пролезть без очереди. Один раз даже добралась почти до начала, но система меня вернула обратно. Теперь я просто стою и жду.

— И сколько вам ещё ждать?

— По моим подсчётам, около ста восьмидесяти тысяч лет.

Если, конечно, система не зависнет. А она зависает. Регулярно. Вот в прошлом тысячелетии был сбой, и мы простояли на месте лет тридцать. Никто не двигался.

— Это ужасно, — только и смог сказать я.

— Это Ад, молодой человек, — женщина грустно улыбнулась. — Чего вы ожидали?

Я оглядел очередь. Тысячи, десятки тысяч, миллионы людей. Мужчины, женщины, старики и дети. Все стояли с потерянными лицами, прижимая к груди свои талончики. Кто-то переговаривался с соседями, кто-то сидел прямо на полу, поджав ноги, кто-то лежал, безучастно глядя в серый потолок. Это была самая большая очередь, которую я видел в своей жизни. И самая безнадёжная.

— И что, нельзя как-то ускорить? — спросил я с надеждой. — Ну, там, VIP-статус? Блат? Коррупция? Я слышал, в Аду это приветствуется.

— Говорят, есть, — Игорь понизил голос до шёпота, наклонившись ко мне. — Говорят, можно дать взятку демону-регистратору. Но чтобы дать взятку, нужно до него добраться. А чтобы добраться, нужно пройти очередь. Замкнутый круг.

— А ещё говорят, — вставила женщина, — что иногда система глючит, и кого-то перебрасывает в начало очереди без причины. Но это очень редко. Раз в сто лет, может. И никто не знает, как это работает.

— Ага, — я задумчиво почесал затылок. — Значит, нуж-

но надеяться на глюк системы?

— Или смириться, — пожала плечами женщина. — Я лично предпочла смириться.

Я не хотел смиряться. Я вообще никогда не смирялся. В школе, когда меня хотели оставить на второй год, я не смирился, а каким-то чудом сдал экзамены и переполз в следующий класс. В институте, когда меня хотели отчислить за прогулы, я не смирился, а нашёл подход к декану (подход заключался в ящике коньяка, но это детали). На работе, когда Викторыч орал и требовал невозможного, я не смирялся, а просто делал по-своему и получалось нормально.

Я не умел смиряться. Это было моё проклятие и моё спасение.

— Значит, будем надеяться на глюк, — резюмировал я. — Или на чудо. Или на что угодно, лишь бы не стоять тут сто пятьдесят тысяч лет.

— Вы оптимист, — сказала женщина. — Это хорошо. Оптимисты тут долго не задерживаются. Либо быстро проходят, либо быстро ломаются.

— Я не оптимист, — возразил я. — Я циник. А циники не ломаются. Мы гнёмся, но держимся.

Игорь хотел что-то сказать, но его перебил металлический голос:

— Внимание. Обнаружен технический сбой. Номер девять миллиардов девятьсот девяносто девять миллионов девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять.

Пожалуйста, пройдите к терминалу номер семь для ускоренной регистрации. Повторяю: номер девять миллиардов...

Я не дослушал. Девять миллиардов и ещё куча девяток — это был мой номер!

— Это я! — заорал я, подпрыгивая на месте. — Это мой номер! Сбой! Глюк! Я же говорил!

По очереди прокатилась волна удивлённого шёпота. На меня смотрели с завистью, с надеждой и с недоверием. Кто-то попытался схватить меня за руку, но невидимая сила мягко, но настойчиво отодвинула их в сторону. Пространство передо мной расчистилось, и впереди зажглась яркая стрелка, указывающая путь.

— Идите, — сказал Игорь, и в его голосе была искренняя радость. — Идите, пока система не передумала!

— А вы?

— А мы постоим. Мы привыкли. Может, тоже когда-нибудь повезёт.

Я посмотрел на него, на женщину, на других людей в очереди. Они стояли и будут стоять. Может, сто лет. Может, двести тысяч. А мне выпал шанс.

— Если я доберусь до начальства, — пообещал я Игорю, — я скажу им, чтобы они починили эту очередь.

— Не стоит, — улыбнулся он. — В аду всё работает так, как должно. Просто мы пока не понимаем смысла.

Я хотел ответить, но стрелка нетерпеливо мигнула, и невидимая сила потянула меня вперёд. Я пошёл, сначала

медленно, потом быстрее, почти побежал. Очередь расступалась, люди провожали меня взглядами, кто-то желал удачи, кто-то крестился, кто-то просто плакал.

Я бежал по серому коридору, и талончик в моей руке вдруг вспыхнул ярким светом, превращаясь из бумажки в нечто вроде электронного ключа. Стрелка привела меня к небольшому терминалу, стоящему особняком в стороне от основной очереди. Терминал выглядел как банкомат: экран, клавиатура, странное устройство, похожее на сканер.

На экране горела надпись:

«Ускоренная регистрация.

Терминал № 7.

Введите ваше имя».

Я подошёл, положил руки на клавиатуру, она была тёплой и немного вибрировала, и набрал: «Дантес».

Экран мигнул, и появилась новая надпись:

«Имя "Дантес" занято.

Статус: активно.

Пользователь: Жорж Дантес.

Круг: Седьмой.

Статья: Убийство поэта.

Освободится: никогда».

Я уставился на экран.

— Вы серьёзно?! — заорал я. — Я Дантес по паспорту! У меня фамилия такая! Это какая-то ошибка!

Но система, как и все системы в мире, была безжалостна.

Она уже предлагала мне выбрать новый ник.

И вот тут я понял, что Ад — это действительно Ад. Даже когда ты находишь лазейку и пролезаешь без очереди, тебя всё равно ждёт какая-нибудь подлянка. В данном случае, занятый никнейм и необходимость придумывать себе новое имя.

Я стоял перед терминалом, сверля экран глазами, и думал, что, возможно, лучше было остаться в очереди. Там хотя бы не нужно было регистрироваться.

Но пути назад уже не было. Терминал мигал, требуя ответа. Где-то впереди меня ждал Ад во всей своей красе.

А пока, нужно было придумать, как назваться так, чтобы не потерять себя.

Терминал №7 стоял передо мной, серая металлическая коробка на сером фоне серого пространства. Единственным ярким пятном был экран, светившийся мягким голубоватым светом, и мигающий курсор, который ждал, пока я введу своё имя.

Я стоял и смотрел на этот курсор уже, наверное, минуты две. Если в загробном мире вообще можно было измерить время минутами.

«Имя Дантес занято».

Эта фраза горела перед глазами, хотя экран уже сменился на новое окно с предложением придумать уникальный никнейм. Жорж Дантес. Убийца поэта. Седьмой круг. Освобо-

дится: никогда.

— Вот же ж сука, — пробормотал я себе под нос. — Даже здесь этот гад мне жизнь портит. В смысле, загробную жизнь.

Я никогда не любил своего тёзку-однофамильца. В школе меня дразнили «Пушкина убил», хотя я имел к этому французскому мерзавцу не больше отношения, чем к китайской космической программе. Просто однофамилец. Но попробуй объясни это десятилетним оболтусам, которые только что прошли «Евгения Онегина» и теперь считают себя экспертами по русской литературе.

А теперь, значит, этот самый Жорж Дантес оккупировал моё имя в загробном мире. Занял никнейм. Застолбил, можно сказать, на вечные времена. И сидит теперь в своём Седьмом круге, довольный, а я тут стой, как дурак, и придумывай себе новое имя.

— Ладно, — сказал я вслух, кладя руки на клавиатуру. — Не в первый раз. Придумаем что-нибудь.

Я набрал: «Дантес_1995».

Экран мигнул и выдал сообщение: «Имя "Дантес_1995" не соответствует требованиям системы. Использование цифр в качестве части имени разрешено только в случае, если цифры являются частью оригинального имени при жизни. Пример: "Иван IV (Грозный)"».

— То есть если бы я был царём, мне можно было бы? — возмутился я. — А обычному человеку нельзя?

Система, разумеется, не ответила. Она тупо ждала следу-

ющего варианта.

— Ладно. Хорошо.

Я попробовал другой вариант: «Дантес_Оригинал».

«Имя "Дантес_Оригинал" занято.

Пользователь: Пьер Дантес (оригинальный рецепт адского печенья).

Статус: Третий круг, сектор кондитеров.

Освободится: после выпекания десяти миллиардов партий».

Я моргнул. Адское печенье? Серьёзно? Есть какой-то Пьер Дантес, который печёт печенье в Третьем круге, и он занял мой ник?!

— Да вы издеваетесь! — заорал я на терминал. — Сколько можно?! У вас тут что, каждый второй Дантес?!

Экран вежливо мигнул и выдал новое сообщение: «По вашему запросу найдено 847 пользователей с корнем "Дантес" в различных вариациях. Показать список?»

Восемьсот сорок семь?!!

— Не надо, — быстро сказал я. — Не показывай.

Я глубоко вздохнул. Так, Димон, спокойно, ты справишься. Это просто ещё одна бюрократическая процедура. В конце концов, ты двадцать восемь лет прожил с фамилией Дантес в России, где каждый второй считает своим долгом процитировать Пушкина. Ты привык к трудностям.

Я попробовал другой подход: «Не_тот_Дантес».

«Имя "Не_тот_Дантес" содержит недопустимые символы.

Пожалуйста, используйте только буквы латинского алфавита. Обратите внимание: кириллица временно недоступна в связи с профилактическими работами».

— Профилактические работы? — я не поверил своим глазам. — У вас тут что, серверы? В Аду? Есть серверы?!

Экран не ответил. Вместо этого он показал новое сообщение: «Напоминаем: ваше время регистрации ограничено. Если вы не завершите процедуру в течение пяти минут, ваш талон будет аннулирован, и вы будете возвращены в конец очереди».

Конец очереди. Девять миллиардов девятьсот девяносто девять миллионов... нет. Нет, только не это.

— Ладно, ладно, я спокоен, — я сделал глубокий вдох, хотя лёгких у меня теперь не было, и это ощущалось странно. — Давай по-другому.

Я набрал: «Димон_Дантес».

«Имя "Димон_Дантес" содержит недопустимые символы. Пожалуйста, используйте только буквы латинского алфавита».

— Да ёлки-палки! — я стукнул кулаком по терминалу. Терминал жалобно пискнул и выдал:

«Предупреждение: физическое воздействие на оборудование карается штрафом. Штраф: дополнительные 500 лет ожидания в очереди. Повторное нарушение: перевод в Штрафной Изолятор».

Я отдёрнул руку, как будто терминал был раскалённым.

500 лет! За один удар! Да у них тут расценки как в хорошем ресторане, только вместо денег годами берут.

— Хорошо, — сказал я примирительным тоном, обращаясь к машине. — Извини. Я погорячился. Давай попробуем ещё раз. Спокойно. Без подчёркиваний. Без цифр. Только латиница.

Экран мигнул, принимая мои извинения. Или просто сбрасывая таймер штрафа. Сложно было понять, есть ли у этой машины хоть какое-то подобие души.

Я задумался. Что можно придумать? Что-то, что будет похоже на моё имя, но при этом не занято? Что-то, что не вызовет претензий у системы?

«DantesReal».

«Имя "DantesReal" занято. Пользователь: неизвестен. Статус: заблокирован за попытку выдать себя за оригинального Дантеса. Круг: информация скрыта».

— Господи, — простонал я. — Даже фейки есть. Тут целый рынок имён!

«DantesOriginal».

«Имя "DantesOriginal" занято. См. "DantesReal"».

«DantesOne».

«Имя "DantesOne" занято. Пользователь: система. Статус: первое зарегистрированное имя с корнем "Dantes" (год 1837 от Р.Х.). Не освобождается».

1837 год. Именно тогда, когда настоящий Дантес умер. Точнее, когда его душу зарегистрировали. Только это был

не я, а тот самый французский мерзавец. Видимо, он попал сюда сразу после смерти и быстренько занял все возможные вариации. Или система просто зарезервировала за ним первенство.

— Это нечестно! — закричал я в пустоту. — Он убил Пушкина! Он грешник! Почему у него приоритет?!

Тишина. Даже система ничего не ответила, видимо, этот вопрос выходил за пределы её компетенции.

Я провёл рукой по лицу. Ладно. Если нельзя использовать «Дантес»... может, вообще отказаться от фамилии? Придумать что-то совершенно новое? Какой-нибудь крутой ник, типа «Тёмный Властелин» или «Повелитель Мебели»?

Я набрал: «LordOfFurniture».

«Имя "LordOfFurniture" доступно. Однако система рекомендует выбирать имена, близкие к вашему прижизненному имени, во избежание путаницы при обработке вашей души. Продолжить регистрацию с выбранным именем?»

Я заколебался. «Повелитель Мебели» звучало, конечно, круто. Но рекомендация системы меня насторожила. Путаница при обработке души? Это что, они могут меня потерять? Отправить не в тот круг? Засунуть в какое-нибудь чистилище для мебели?

— Нет, — сказал я. — Отмена.

«Имя отклонено. Пожалуйста, введите новое имя. Оставшееся время: три минуты».

Три минуты! Я начал паниковать. Три минуты, и меня

вернут в очередь! В конец очереди! К Игорю, который будет рад меня видеть, но я-то не буду рад. Я не могу провести сто пятьдесят тысяч лет в очереди. Я не могу. У меня планы. Ну, были планы. Теперь, есть миссия. Или будет. Я пока не знал, но чувствовал, что стоять в очереди вечность — это не моё.

Я лихорадочно перебирал варианты:

«Dimon_Dantes» — недопустимый символ.

«DimonDantes» — «Имя "DimonDantes" неблагозвучно. Система рекомендует избегать сочетаний, вызывающих нежелательные ассоциации у демонического персонала».

— Какие ещё нежелательные ассоциации?! — взвыл я. — Что значит «неблагозвучно»?!

Экран, к моему удивлению, ответил: «Сочетание "DimonDantes" при быстром прочтении напоминает "DemonDantes", что может быть воспринято как претензия на демонический статус. Душа не имеет права претендовать на статус демона без прохождения соответствующей аттестации».

Аттестация на демона. Господи боже. У них тут всё, бюрократия. Даже чтобы стать демоном, нужно сдавать экзамены.

— А можно мне пройти аттестацию? — с надеждой спросил я.

«Для подачи заявки на аттестацию необходимо сначала зарегистрироваться под уникальным именем. Оставшееся время: две минуты».

Замкнутый круг. Всё завязано на этой чёртовой регистра-

ции.

Я закрыл глаза и попытался успокоиться. Дышать. Думать. Анализировать.

Что мы имеем? Моя фамилия Дантес. Она занята. Все производные от неё заняты. Мне нужно что-то, что будет одновременно похоже на моё имя и при этом уникально. Что-то, что не вызовет претензий системы.

И тут меня осенило.

А что, если не «Дантес», а... «Данте»?

Я набрал: «Dante».

Экран завис. Надпись мигнула, погасла, снова зажглась.

«Обработка запроса... Проверка... Имя "Dante" зарезервировано. Статус: историческая личность. Категория: поэты, проводники, особый статус».

Я замер. Зарезервировано? Но не занято? В чём разница?

«Имя "Dante" не может быть присвоено душе автоматически. Требуется одобрение проводника с лицензией не ниже второго уровня. Пожалуйста, обратитесь к вашему проводнику».

— У меня нет проводника! — воскликнул я. — Я только что умер! Я даже не знаю, что такое проводник!

Экран мигнул и выдал: «Проводник будет назначен автоматически после завершения регистрации. Пожалуйста, выберите другое имя для временной регистрации, затем подайте запрос на смену имени после получения проводника».

— Временная регистрация? — я вцепился в эту мысль. —

Можно сделать временную?

«Да. Временная регистрация позволяет вам пройти в общую зону ожидания, где вы будете дожидаться назначения проводника. После получения проводника вы сможете подать запрос на смену имени. Оставшееся время: одна минута».

Одна минута. Нужно было быстро придумать хоть что-то, что система примет для временной регистрации. Что угодно. Любой набор букв.

Я набрал: «Dante Temp».

«Недопустимый символ», чёрт, пробел! Вернее, я случайно нажал пробел.

«DanteTemp», без пробела.

«Имя "DanteTemp" доступно. Желаете завершить временную регистрацию?»

Да! Желаю! Конечно, желаю!

Я уже потянулся к кнопке «Подтвердить», как вдруг услышал за спиной усталый голос:

— Не советую.

Я резко обернулся.

Передо мной стоял мужчина. На вид, лет пятьдесят, может, чуть больше. Одет он был в странную смесь античной тоги и современных спортивных штанов с тремя полосками. Тога была заляпана чем-то, похожим на вино, а на груди болтался бейджик: «Проводник душ. Лицензия №2».

Лицо у мужчины было такое, будто он провёл в этом се-

ром пространстве последние пару тысяч лет и уже ничего хорошего от жизни, или от смерти, не ждал.

— Что, простите? — переспросил я.

— Не советую брать "DanteTemp", — повторил он, лениво подходя ближе. — Потом запрос на смену будешь подавать триста лет. У них там очередь. Отдельная. Для смены имён. Я видел, как души с ума сходили, пока ждали переименования. Один так и остался навечно «User54789321». С ума сошёл. Теперь работает табуреткой в Лимбе.

— Табуреткой?!

— Ну, метафорически. Или нет. В Аду никогда не знаешь наверняка.

Он подошёл к терминалу, по-хозяйски положил руку на клавиатуру и посмотрел на меня.

— Ты, я так понимаю, Дантес, которому не дали зарегистрироваться?

— Да, — кивнул я. — А вы, я так понимаю, тот самый проводник?

— Вергилий, — он небрежно кивнул. — Лицензия номер два. Первую отозвали, когда Адама и Еву выгнали из Рая, так что я, считай, старейший практикующий проводник в этом бардаке.

Я уставился на него. Вергилий. Тот самый Вергилий. Который в «Божественной комедии» водил Данте по Аду и Чистилищу. Я, конечно, не был большим знатоком литературы, но это даже я помнил.

— Вы... настоящий?

— Нет, блин, голограмма, — он фыркнул. — Конечно, настоящий. Слушай сюда, парень. У меня план по душам горит, а ты тут застрял со своей регистрацией. Если мы сейчас не придумаем тебе нормальное имя, я опоздаю на обеденный перерыв, а в столовой Лимба сегодня, говорят, дают не проклятую овсянку. Я не могу это пропустить.

— Овсянку?

— Ты не знаешь, что такое проклятая овсянка. И лучше тебе не знать. Короче, давай думать.

Он отодвинул меня от терминала и уставился на экран. Его пальцы забегали по клавиатуре с такой скоростью, будто он провёл за этим занятием последнюю тысячу лет, что, возможно, было недалеко от истины.

— Та-ак. «Dante» зарезервирован за поэтом, но его душа давно в Раю, так что имя висит в подвешенном состоянии. Это плюс. Если у тебя есть проводник с лицензией второго уровня, а он у тебя есть, мы можем подать запрос на разблокировку. Это займёт... — он задумался, — ну, недели три. Но у меня есть связи. Можно ускорить.

— Три недели?!

— В Аду, парень. Три недели в Аду. А в мире живых за это время пройдёт лет пятьдесят. Или пять минут. Тут поразному.

Он нажал ещё несколько кнопок, и на экране появилось новое сообщение:

«Запрос на присвоение имени "Dante" душе № 9 999 999 999. Инициатор: Вергилий, проводник, лицензия №2. Статус: на рассмотрении. Ориентировочное время обработки: 21 день».

— Но это бюрократия, — пояснил Вергилий. — Пока они рассматривают, ты можешь ходить с временным именем. А когда запрос одобряют, оно сменится автоматически. Но временное имя должно быть хотя бы отдалённо похоже на то, которое ты хочешь. Иначе откажут.

— И что вы предлагаете?

— Бери «Данте», — просто сказал он. — Без фамилии. Просто Данте. Ты на поэта, конечно, не похож, но бумаги всё стерпят. В конце концов, кого тут волнует, как тебя зовут? Половина грешников вообще грамоту забыла за первые сто лет.

Я посмотрел на экран. «Dante». Без «s» на конце. Просто Данте. Как тот самый поэт.

С одной стороны, это было странно. Всю жизнь я был Дантесом, с этой несчастной буквой «с», которая делала меня однофамильцем убийцы Пушкина. А теперь я должен стать просто Данте.

С другой стороны... это было даже забавно. Поэтическая справедливость, мать её.

— Согласен, — сказал я. — Пусть будет Данте.

Вергилий кивнул, быстро набрал что-то на клавиатуре, и экран вспыхнул зелёным:

«Временная регистрация завершена. Имя: Dante. Статус: на рассмотрении. Проводник: Вергилий, лицензия №2. Добро пожаловать в Ад».

— Ну, вот и всё, — сказал Вергилий, отходя от терминала. — Поздравляю с прибытием. Теперь ты часть системы. С чем тебя и поздравляю.

— Спасибо, — я отошёл от терминала и впервые за последние полчаса выдохнул. — А теперь куда?

— Теперь — в Лимб, — Вергилий махнул рукой куда-то в серую бесконечность. — Первый круг. Для таких, как ты.

— Для каких «таких»?

— Для некрещёных младенцев и хороших людей, которые не попали в Рай по техническим причинам. Ну, и для тебя, как для человека, который ещё даже не грешил по-настоящему. Хотя, судя по твоей ауре, потенциал у тебя неплохой.

Я хотел спросить, что значит «потенциал для греха», но потом решил, что лучше не знать. По крайней мере, пока.

— Идём, — сказал Вергилий и, не оборачиваясь, пошёл в серый туман.

Я пошёл за ним, стараясь не отставать. Терминал за моей спиной пискнул последний раз и погас, оставляя нас в сером сумраке загробной бюрократии.

Теперь меня звали Данте. Просто Данте.

И где-то глубоко внутри я чувствовал, что это имя мне подходит больше, чем прежде. Хотя, возможно, это была просто игра воображения. Или побочный эффект смерти.

В любом случае, пути назад не было.

— Значит, Вергилий, — произнёс я, шагая за своим новым проводником сквозь серый туман. — Тот самый Вергилий.

— Угу, — не оборачиваясь, буркнул он.

— Который написал «Энеиду».

— Угу.

— И который в «Божественной комедии» водил Данте по Аду.

На этом месте Вергилий споткнулся. Буквально споткнулся на ровном месте, чего в сером пространстве, где не было ни кочек, ни ям, ни вообще какого-либо рельефа, сделать было практически невозможно.

— В какой книжке? — он резко обернулся, и в его глазах мелькнуло странное выражение, удивление, раздражение и какая-то давняя, забытая обида.

— В «Божественной комедии», — повторил я, начиная понимать, что ступил на зыбкую почву. — Данте Алигьери. Итальянский поэт. Четырнадцатый век. Он описал, как вы водили его по Аду, Чистилищу и Раю.

Вергилий несколько секунд молча смотрел на меня, и я физически ощущал, как в его голове проворачиваются какие-то шестерёнки. Потом он фыркнул, да так, что эхо разнеслось по серому пространству.

— А, — сказал он. — Про меня написали. Ну-ну.

— В смысле «ну-ну»? Это же великая книга! Одно из главных произведений мировой литературы!

— Сынок, — Вергилий устало потёр переносицу, — я в Аду две тысячи лет. За это время про меня написали столько, что я уже и не вспомню всего. Этот твой Данте был не первым и не последним. До него был один грек, который утверждал, что я водил его по Тартару, хотя я в Греции отродясь не был, у меня в то время командировка в Египет была. Потом какой-то француз написал поэму, где я превращался в лебедя. Лебедя, понимаешь? Потом немцы отметились, у них я был философом, который спорит с Фаустом. Фаустом! Я этого Фауста вообще не знаю, он в другую смену работает.

Он вздохнул и поправил сползающую тогу.

— А твой Данте... да, помню такого. Приходил. Лет семьсот назад. Хороший парень, только слишком впечатлительный. Всё записывал, всё записывал... Я ему говорю: «Не пиши ты про серные ямы, там на самом деле не серные, а просто выгребные, серой только для антуража пахнет». А он всё равно написал. И про Беатриче ещё. Ох, что он про Беатриче написал...

Вергилий махнул рукой с таким видом, будто его подчинённый сдал некачественный отчёт.

— Короче, Данте твой — хороший поэт, но правды в его книжке процентов двадцать. Остальное — художественный вымысел и поэтические преувеличения. Например, я там у него в лавровом венке хожу. В лавровом венке! В Аду! Ты

представляешь, как меня демоны за этот венок задразнили? До сих пор некоторые придурки из бухгалтерии кричат: «О, Вергилий, а где твой веночек? Потерял?»

Он фыркнул ещё раз и снова зашагал вперёд.

Я пошёл за ним, переваривая информацию. Значит, «Божественная комедия» — это не документальное свидетельство, а вольная интерпретация. Хотя, если подумать, этого следовало ожидать. В конце концов, если бы Ад действительно был таким, каким его описал Данте, с котлами, сковородками и прочими ужасами, я бы сейчас явно не стоял в сером пространстве с талончиком и не спорил бы с терминалом о никнейме.

— А почему вы тогда водили того Данте? — спросил я.
— У вас что, хобби такое, водить людей с именем Данте по Аду?

— Это моя работа, — Вергилий говорил сухо, явно давая понять, что тема «Божественной комедии» ему порядком надоела. — Я проводник душ. Провожу новоприбывших по кругам, объясняю правила, слежу, чтобы они не нарушали регламент и не пытались сбежать. У меня лицензия, у меня бейджик и стаж две тысячи лет. И, между прочим, я один из лучших.

— Вы говорили, что у вас план по душам горит, — напомнил я.

— Горит, — мрачно подтвердил он. — В прошлом квартале я недовыполнил норму на три души. Три души, пред-

ставляешь? У меня были уважительные причины — я болел. Но бюрократам из Канцелярии плевать. Им главное цифры. Отчётность. KPI. Знаешь, что такое KPI?

— Key Performance Indicators, — машинально перевёл я.
— Ключевые показатели эффективности.

Вергилий резко остановился и уставился на меня с таким видом, будто я только что процитировал наизусть «Илиаду» на древнегреческом.

— Ты знаешь, что такое KPI?! — в его голосе звучало неподдельное изумление.

— Ну да. У нас в магазине тоже KPI были. План продаж, средний чек, конверсия там. Викторыч, это мой начальник, каждый понедельник собирал планёрки и орал, что мы не выполняем показатели.

— Планёрки, — Вергилий произнёс это слово с таким трепетом, будто оно было священным. — План продаж. Конверсия. Ты говоришь на языке богов!

— Да ладно, обычный корпоративный жаргон...

— Обычный?! — он схватил меня за плечи и заглянул в глаза. — Парень, ты даже не представляешь, ЧТО ты сейчас сказал. Ты работал в системе. В корпоративной системе. Ты знаешь, что такое отчёты, дедлайны, планёрки и KPI. Это же... это же бесценно!

Я осторожно высвободился из его хватки.

— Э-э-э... спасибо, конечно. Но я был простым сборщиком мебели. Я не менеджер и не управленец. Я просто соби-

рал шкафы и слушал, как Викторич орёт.

— Не важно! — отмахнулся Вергилий. — Важно то, что ты понимаешь систему. Ты говоришь на том же языке, что и эти бюрократы из Канцелярии. Это редкость. Большинство новоприбывших, либо древние греки, которые не понимают, что такое «бланк заявления», либо хипстеры, которые умирают в двадцать пять лет от передозировки смузи и не знают, что такое «работа». А ты... ты работал руками. Ты знаешь жизнь. И, судя по твоей форме, ты работал с техникой?

— Ну, собирал мебель. Иногда чинил розетки. Один раз даже микроволновку разобрал, чтобы посмотреть, почему она гудит.

— Микроволновку! — Вергилий чуть не прослезился. — Ты разбирали микроволновку! Ты знаешь, как работает техника!

— Ну, базово. Ничего сложного. Там магнетрон, трансформатор...

— Магнетрон, — повторил он шёпотом, будто я назвал имя тайного божества. — Трансформатор. Ты знаешь слова, которых в Аду не слышали со времён изобретения парового двигателя.

Он задумался на несколько секунд, а потом, решившись, сказал:

— Слушай сюда, Данте. У меня есть предложение. Сделка.

— Какая сделка?

— Я помогаю тебе пройти Круги. Все девять, включая Лимб, который ты даже за Круг-то считать не хочешь, а зря, между прочим. Я проведу тебя через всю эту бюрократическую клоаку, помогу с документами, научу обходить систему и договариваться с демонами. Я сделаю так, что ты пройдёшь Ад быстрее, чем очередь в поликлинике в день диспансеризации. А ты...

— А я?

— А ты pomoжeшь мне отправить посылку.

Я моргнул. Посылку?

— Какую посылку?

— Моему племяннику. В Рим. Понимаешь, я тут, в Аду, уже две тысячи лет. За это время накопилось кое-что... сувениры, подарки, письма. Я хочу отправить их племяннику. Он хороший парень, работает в Ватикане, в отделе по связям с общественностью. Но обычная адская почта работает отвратительно, посылки идут веками, и половина теряется где-то в Чистилище. А у тебя... руки. Ты умеешь работать с техникой. Может, сможешь починить мой старый прибор... в смысле, устройство для отправки.

— У вас есть устройство для отправки посылок?

— Было. Оно сломалось. Лет триста назад. Я пытался его чинить, но я поэт, философ и проводник, а не техник. У меня руки не из того места растут. А ты... судя по тому, что ты разбирал микроволновку и собирал шкафы, у тебя руки растут откуда надо.

Я задумался. С одной стороны, тащиться через все девять кругов Ада в компании уставшего от жизни поэта — то ещё приключение. С другой стороны, одному мне точно не справиться. Я уже видел, какая тут бюрократия, если на регистрацию уходит столько сил, то что будет дальше? Без проводника меня просто сожрут.

— А что значит «пройти круги»? — спросил я. — У меня же, вроде как, душа перепутана. Может, можно как-то... подать апелляцию?

— Можно, — кивнул Вергилий. — Но апелляции рассматривает Канцелярия, а Канцелярия находится в Девятом круге. Чтобы туда попасть, нужно пройти все предыдущие. Так устроена система. Никаких лифтов, никаких коротких путей. Только пешком, только по кругам, с печатями и разрешениями.

— Печатями?

— Каждый круг выдаёт свою печать. Без печати предыдущего круга тебя не пустят в следующий. Таковы правила.

— А что нужно, чтобы получить печать?

— Зависит от круга, — Вергилий пожал плечами. — Я в каждом круге бываю раз в сто лет, не чаще. Детали не помню.

Я взвесил все за и против. Сделка выглядела неплохо. Я помогаю Вергилию с посылкой, он помогает мне пройти Ад. В конце я подаю апелляцию, и если повезёт, меня возвращают обратно. В тело, которое, правда, сейчас лежит в морге с проломленной грудной клеткой. Ну, или дают новое. Или

переселяют в Рай. Или куда-нибудь ещё.

В любом случае, альтернативой было стоять в очереди сто пятьдесят тысяч лет. А это, как ни крути, худший вариант.

— Ладно, — сказал я. — Согласен. Я помогу вам с посылкой, вы помогаете мне с кругами.

— Отлично! — Вергилий просиял. — Тогда идём. Нам нужно попасть в Лимб до обеда, иначе проклятая овсянка кончится, и я останусь голодным до ужина.

— Проклятая овсянка? Вы о ней уже второй раз упоминаете.

— Узнаешь, — мрачно пообещал он. — Это одна из главных пыток Лимба. Хуже, чем споры философов. Хуже, чем бюрократия. Хуже, чем всё.

Я хотел расспросить подробнее, но Вергилий уже шагал вперёд, и мне пришлось ускориться, чтобы не потерять его в сером тумане.

— А почему у вас лицензия номер два? — спросил я, догоняя его. — Что случилось с номером один?

— Номер один был у Харона, — не оборачиваясь, ответил Вергилий. — Но его лицензию отозвали. Слишком много душ перевозил за раз, нарушал технику безопасности. Однажды опрокинул лодку, и души упали в Стикс. Скандал был страшный.

— И что с ним стало?

— Работает теперь в архиве. Перебирает карточки умерших. Самая скучная работа в Аду. Для Харона это хуже лю-

бой пытки.

— А лицензия номер один?

— Не используется. Заблокирована до выяснения обстоятельств. Бюрократия, чтоб её.

Я усмехнулся. Бюрократия, судя по всему, была главным проклятием не только мира живых, но и мира мёртвых. Что ж, по крайней мере, это было привычно.

Мы шли сквозь серый туман, и постепенно я начал различать впереди какие-то очертания. Сначала это были просто тёмные пятна на сером фоне, потом они становились всё чётче, и в конце концов я понял, что мы подходим к огромной арке.

Арка была сложена из серого камня и украшена надписью на латыни. Буквы светились тусклым красным светом, и я, хоть и не знал латыни, каким-то образом понял смысл написанного:

«Оставь надежду, всяк сюда входящий».

— Это оно? — спросил я. — Та самая надпись?

— Ага, — Вергилий кивнул. — Данте её очень точно описал. Одна из немногих вещей, которые он не переврал. Правда, он не упомянул, что рядом есть ещё одна табличка.

— Какая?

— «Администрация не несёт ответственности за оставленные надежды. Багажное отделение налево. Камера хранения направо. Туалет прямо и налево, но он вечно занят».

Я рассмеялся. Смех прозвучал странно в этом сером без-

молвии, но мне было плевать. Если уж я попал в Ад, то хотя бы посмеюсь напоследок.

— Ладно, Вергилий, — сказал я. — Ведите. Показывайте ваш Лимб.

— Наш Лимб, — поправил он. — Ты теперь тоже его часть. Добро пожаловать в первый круг, Данте. Добро пожаловать в вечность.

И мы шагнули под арку, оставляя за спиной серую зону ожидания и начиная путь, который изменит всё, и для меня, и для Ада, и, возможно, даже для Небесной Канцелярии.

Но это я понял гораздо позже. А пока я просто шёл за Вергилием, глядя, как серый туман расступается, открывая вид на то, что местные называли Лимбом, вечный санаторий для душ, которым не повезло родиться на пару тысяч лет раньше христианства.

Вдалеке уже виднелись очертания колонн, статуй и длинных одноэтажных корпусов, очень напоминающих советские профилактории. Пахло хлоркой, старостью и, кажется, овсянкой.

Проклятой овсянкой, как сказал бы Вергилий.

— Кстати, — вдруг обернулся он, — ты на поэта-то не очень похож.

— Я знаю, — ответил я. — Я не поэт. Я сборщик мебели.

— Вот и хорошо, — он усмехнулся. — Поэты тут никому не нужны. А сборщики мебели... сборщики мебели — это дефицит. Особенно те, кто умеет чинить розетки и разби-

рать микроволновки.

— Да что у вас тут с техникой-то такое?

— Увидишь, — загадочно пообещал он. — Всё увидишь. А пока, добро пожаловать в Лимб. Он же — Круг Первый. Он же — Вечный Санаторий. Он же — место, где время течёт как патока.

Мы подошли ближе, и я наконец разглядел детали. Облезлые колонны, покосившиеся статуи с табличками «Не прислоняться», аллею с пустыми скамейками и указателем «Аллея Размышлений». На одной из скамеек сидел человек в древнегреческом хитоне и вязал шарф. На другой — мужчина в чалме читал книгу. На третьей — старик в тряпье спал, прикрыв лицо газетой.

— Это и есть Лимб? — спросил я.

— Это и есть Лимб, — подтвердил Вергилий. — Самое скучное место во Вселенной. Добро пожаловать домой.

И я, Дмитрий Дантес, бывший сборщик мебели, а ныне просто Данте, сделал первый шаг в вечность, которая пахла овсянкой и хлоркой.

2

Глава 2. VIP-бочка и санаторный покой

Путь от арки с надписью «Оставь надежду» до, собственно, Лимба занял у нас около получаса. Или около трёх дней. Или около трёх секунд. В сером пространстве загробного

мира время текло совершенно непредсказуемым образом. Иногда мне казалось, что мы идём уже несколько часов, а иногда, что прошло всего лишь мгновение. Вергилий объяснил, что это нормально, время в Аду — штука относительная, и чем глубже ты спускаешься, тем более резиновым оно становится.

— В Лимбе ещё ничего, — сказал он, шагая впереди. — Там хотя бы день с ночью меняются. Ну, условно меняются. Лампочки приглушаются на восемь часов, и все делают вид, что спят. А вот в Девятом круге времени вообще нет. Просто ледяная вечность без начала и конца. Но тебе туда ещё идти и идти.

Мы подошли к лифту.

Я ожидал увидеть что-то эпичное. Вихрь из душ, огненную колесницу, ну или хотя бы гигантскую каменную лестницу, уходящую в бездну. Вместо этого перед нами стояла обычная металлическая дверь с кнопкой вызова, точно такая же, как в любой многоэтажке. Кнопка была облупленной, а над дверью висела табличка: «Лифт. Только вниз. Вверх не поднимает по техническим причинам».

— Вверх не поднимает? — переспросил я.

— А зачем тебе вверх? — резонно возразил Вергилий. — Вверх — это Рай. Туда на лифте не пускают. Туда надо пешком, по лестнице, и то, только после полного очищения. Короче, не твой случай.

Он нажал кнопку. Где-то в шахте загудел механизм, и че-

рез минуту двери со скрипом разъехались. Лифт был просторным, с зеркалом на задней стене и поручнями по бокам. Из динамика под потолком лилась тихая, умиротворяющая мелодия — что-то среднее между элеваторной музыкой и похоронным маршем.

— Заходи, — Вергилий шагнул внутрь и придержал дверь. — Не задерживай.

Я вошёл. Двери закрылись. Вергилий нажал единственную кнопку с надписью «Лимб — 1 этаж».

— А где остальные круги? — спросил я. — Их же девять.

— Лифт ходит только до Лимба, — пояснил он. — Дальше пешком. Там система переходов, порталов и троп. На лифте дальше нельзя, техника безопасности. Представляешь, что будет, если лифт застрянет между кругами? Души паникуют, демоны злые, все орут. Пробовали как-то, лет пятьсот назад. Закончилось тем, что лифт застрял между Пятым и Шестым кругом на три недели, а когда его открыли, внутри было... ну, в общем, не будем об этом.

Лифт дёрнулся и начал спускаться. На удивление плавно, я ожидал адской тряски, но вместо этого кабина двигалась мягко и невесомо. Мелодия в динамике сменилась на что-то более бодрое, с флейтой.

— Музыка неплохая, — заметил я.

— Это Орфей записал, — Вергилий кивнул на динамик. — Он теперь тут работает. В лифтовом хозяйстве. Говорит, лучше, чем на поверхности. Там его заставляли играть на

арфе перед богами, а тут — тихо, спокойно и зарплата стабильная. И жена не пилит. Ну, Эвридика-то в Раю, а он тут. Развелись они.

— Развелись? В загробном мире можно развестись?

— Можно всё, если правильно заполнить документы. У нас тут, знаешь ли, свобода воли. Хочешь — разводишься, хочешь — женишься, хочешь — в бочке живи, как Диоген.

Я хотел спросить про Диогена, но тут лифт мягко остановился, и двери открылись.

Первое, что я почувствовал — запах. Он был сложным, многослойным: хлорка, старая штукатурка, немного сырости и что-то неуловимое, кажется, варёные овощи. Пахло, как в коридоре советской поликлиники, где только что помыли полы и принесли обед из столовой.

Второе, что я увидел — колонны.

Огромные, белые, с коринфскими капителями, они уходили вверх метров на пятнадцать и терялись в мягком желтоватом свете, который лился непонятно откуда. Колонны были древними, настоящий античный мрамор, потрескавшийся, с желтоватыми разводами, но всё ещё величественный. А вокруг них...

Вокруг них был санаторий.

Советский санаторий. Или, может, дом отдыха. Я такие видел в детстве, когда родители возили меня в Анапу. Длинные одноэтажные корпуса с облупившейся краской, скамейки с деревянными рейками, клумбы с чахлыми цветами,

указатели «Корпус №1», «Корпус №2», «Столовая». Только здесь вместо корпусов были античные постройки, а вместо клумб — каменные руины, обвитые плющом.

— Добро пожаловать в Лимб, — объявил Вергилий, выходя из лифта. — Первый круг Ада. Он же — Прихожая Вечности. Он же — Санаторий имени Сократа.

— Санаторий имени Сократа?! — я вышел следом, оглядываясь по сторонам. — Это официальное название?

— Неофициальное. Официальное — «Лимб, сектор А, античное крыло». Но все зовут санаторием. Потому что это, по сути, санаторий и есть.

Я огляделся подробнее. Прямо перед нами была широкая площадь, выложенная мраморными плитами, некоторые были треснуты, некоторые заменены на бетонные заплатки. Посреди площади стоял фонтан в виде греческой амфоры, из которого тонкой струйкой текла вода. На бортике фонтана сидел тощий человек в хитоне и читал свиток. На соседней скамейке двое стариков играли в шахматы, фигуры были вырезаны, кажется, из кости. Чуть дальше женщина в античном одеянии кормила голубей крошками. Голуби, кстати, выглядели точно так же, как на Земле.

— Где котлы? — спросил я. — Где сковородки? Где черти с вилами?

— Это в нижних кругах, — Вергилий махнул рукой куда-то вниз. — Начиная со Второго. А тут, Лимб. Для тех, кто не грешил, но и не крестился. Типа, хорошие люди, но без

билета в Рай. Некрещённые младенцы, добродетельные язычники, античные философы, поэты, герои. Ну, и те, кто умер до Рождества Христова. Их тут большинство.

— И что они тут делают?

— Живут. Гуляют. Спорят. Думают. Читают. В шахматы играют. Вон, видишь, Сократ пошёл.

Я посмотрел туда, куда он указывал. По аллее, оживлённо жестикулируя, шёл невысокий коренастый мужик с курчавой бородой и лысиной. Одет он был в простой хитон, перепачканный чем-то вроде оливкового масла, а за ним бежали трое молодых людей, которые пытались что-то записывать на восковых табличках.

— Это Сократ? — уточнил я.

— Он самый. Местная достопримечательность. Ходячий генератор вопросов. Если встретишь, не смотри в глаза, иначе затянет в диалог, и ты не выберешься до следующего тысячелетия.

— А что он делает?

— То же, что и всегда. Ищет истину. Задаёт вопросы. Бесит всех. В прошлом месяце он довёл до слёз одного индийского мудреца. Просто спросил его: «А что есть нирвана?» Мудрец три дня думал, потом сказал: «Нирвана есть отсутствие вопросов». А Сократ ему: «А является ли отсутствие вопросов ответом?» Мудрец после этого ушёл в павильон и месяц не выходил.

Я усмехнулся. Атмосфера здесь и правда была совершен-

но не адская. Никакого огня, никаких криков, никаких демонов с бичами. Просто старый, немного запущенный комплекс, где жили люди в странной одежде и занимались какими-то своими делами.

— А это что за здание? — я кивнул на длинное одноэтажное строение с колоннами, напоминающее античный храм, к которому была пристроена вывеска: «Столовая №1. Режим работы: 8:00–20:00. Перерыв: с 12:00 до 12:15. Санитарный день: понедельник».

— Столовая, — подтвердил Вергилий. — Там дают ту самую овсянку. Проклятую.

— Проклятую?

— Проклятие на неё наложил какой-то демон-гурман лет шестьсот назад. С тех пор она всегда чуть-чуть недоваренная. Не совсем сырая, но и не готовая. Такая... резиновая. И безвкусная. И с комочками. Есть можно, но удовольствия ноль. Местные философы говорят, что это метафора бытия. Я говорю, это просто плохая овсянка.

Мы пошли по аллее. Вокруг кипела жизнь настолько, насколько вообще может кипеть жизнь в санатории. Люди в тогах, хитонах и древнегреческих одеяниях прогуливались, сидели на скамейках, читали, разговаривали, жестикулировали. Я заметил, что многие из них выглядели... ну, не то чтобы счастливыми, но какими-то умиротворёнными. Как пенсионеры в хорошем доме престарелых. Им было скучно, но они привыкли.

— А почему они все в античной одежде? — спросил я. — Тут что, дресс-код?

— Нет, просто мода такая, — Вергилий пожал плечами. — Большинство жителей Лимба — древние греки и римляне. Они привыкли к тогам и хитонам. А новоприбывшие постепенно перенимают. Вон, видишь, в том корпусе живут мусульманские учёные, они ходят в своих одеждах. А в том, иудейские пророки, они тоже в своём. Тут каждый одевается, как хочет. Просто большинство выбрало античный стиль, он удобный.

— А современная одежда?

— Тоже есть. Но её мало кто носит. Говорят, джинсы натирают в вечности.

Мы прошли мимо статуи, изображающей мускулистого мужчину с копьём. На постаменте была табличка: «Ахиллес. Герой. Не прислоняться. Окрашено».

— Ахиллес? — я остановился. — Тот самый?

— Тот самый. Он тут уже две с половиной тысячи лет. Сейчас работает тренером по физкультуре. Ведёт секцию метания копья и бега с препятствиями. По пятницам, ОФП для пенсионеров.

Я попытался представить легендарного героя Троянской войны, ведущего ОФП для пенсионеров, и у меня не получилось. Картинка просто не складывалась в голове.

— Слушай, Вергилий, — сказал я, — ты говорил, что твой Данте всё переврал. А что на самом деле? Как устроен Ад?

Вергилий вздохнул, остановился и опёрся о перила, огораживающие небольшую смотровую площадку. С площадки открывался вид на весь Лимб. Бесконечные ряды колонн, корпуса, аллеи, фонтаны. Где-то вдалеке виднелась стена, за которой, видимо, ничего не было.

— Ад — это не место наказания, — сказал он. — Вернее, не только место наказания. Ад — это система. Огромная бюрократическая машина, которая работает по своим законам. Да, в нижних кругах есть огонь, есть лёд, есть черти с вилами. Но в основном это просто... учреждение. Со своим регламентом, со своей отчётностью, со своими планами и KPI.

— KPI в Аду?

— А ты думал! — он горько усмехнулся. — У каждого демона есть план по грешникам. У каждого проводника — план по душам. У каждого круга — бюджет, который нужно освоить. Я не шучу, тут всё, как в корпорации. Только вместо денег, души, а вместо увольнения Штрафной Изолятор.

— И кто всем этим управляет?

— Формально, Сатана. Но он, скажем так, несколько отошёл от дел. Уже пару тысяч лет сидит в Девятом круге, вмёрзший в лёд, и практически не вмешивается. Всем управляет Небесная Канцелярия, это такой гибрид министерства, суда и бухгалтерии. Ангелы, демоны, проводники, все подчиняются Канцелярии.

— И у вас тут есть ангелы?

— Есть. В основном инспекторы. Приходят, проверяют,

выписывают предписания. Демоны их ненавидят, но терпят. Ангелы тоже ненавидят демонов, но тоже терпят. У них что-то вроде корпоративного перемирия.

Мы снова пошли по аллее. Я пытался осмыслить услышанное. Ад как бюрократическая корпорация, это было... неожиданно. С одной стороны, это объясняло многое, и очередь на регистрацию, и терминалы с глюками, и планы по душам. С другой, это было до жути похоже на мир живых. Может, даже слишком похоже.

— Значит, Ад — это просто ещё один офис?

— Хуже, — Вергилий покачал головой. — В офисе ты хотя бы можешь уволиться. А тут, вечность. У тебя нет выхода. Ты либо работаешь на систему, либо становишься её частью. Третьего не дано.

Мы подошли к небольшому административному зданию с табличкой «Администрация Лимба. Приём граждан: вторник, четверг, с 10:00 до 12:00. Обед: с 12:00 до 14:00. После обеда приёма нет».

— Сейчас зайдём к Цицерону, — сказал Вергилий. — Он местный администратор. Расскажет тебе правила, выдаст направление на проживание, объяснит, что к чему.

— Цицерон? Оратор?

— Он самый. Отличный бюрократ. Лучше него никто не умеет составлять отчёты. У него дар, превращать любую проблему в три страницы текста и откладывать её решение на неопределённый срок. За это его и ценят.

Мы уже подходили к крыльцу, когда я заметил странный предмет, стоящий прямо у входа. Это была большая деревянная бочка, из которой торчала человеческая голова.

— Вергилий, — сказал я, останавливаясь. — В бочке человек.

— А, — Вергилий даже не обернулся. — Это Диоген. Не обращай внимания.

— Диоген?! Тот, который жил в бочке?

— Он и сейчас живёт в бочке. Только теперь у него VIP-бочка. С подогревом и интернетом. Он выбил её у администрации, жаловался, что старая рассохлась и пропускала сквозняки.

Я подошёл поближе. Бочка действительно выглядела дорогой. Дубовые доски, скреплённые медными обручами, кожаное сиденье внутри, небольшой столик сбоку с глиняной кружкой. Из бочки торчала голова старика с растрёпанной седой бородой и хитрыми глазами.

— Не заслоняйте свет, — сказал старик, не глядя на меня. — Хотя света здесь и так нет, но вы всё равно не заслоняйте. Для принципа.

— Вы Диоген? — спросил я. — Философ-киник?

— А ты кто? — он наконец повернул голову и уставился на меня. — Очередной новичок? По тебе видно, одежда странная, лицо растерянное. Умер недавно?

— Буквально час назад. Или день. Или год. Не знаю.

— Хорошо, — кивнул Диоген. — Честный ответ. Боль-

шинство новичков врут, что они тут уже сто лет. А ты признаёшь, что не знаешь. Это правильно. Сократ бы тебя за это похвалил.

— Сократа я ещё не встречал.

— Встретишь. Он тебя найдёт. Он всех находит.

Диоген шумно отхлебнул из кружки, поморщился и посмотрел на меня с каким-то оценивающим прищуром.

— Данте, да? — сказал он вдруг.

— Откуда вы знаете?

— Слухи быстро расходятся. В Лимбе новости разносятся со скоростью мысли, в буквальном смысле. Тут некоторые философы умеют передавать мысли на расстоянии. Я не умею, но подслушиваю. Ты тот парень, который устроил шум у терминала и взял имя поэта. Интересно, поэты тут редкость. В основном философы. Философов пруд пруди. А поэты — вымирающий вид.

— Я не поэт. Я сборщик мебели.

— Ещё интереснее! — Диоген оживился. — Мебельщик в Аду! Это что-то новое. Обычно мебельщики попадают в Четвёртый круг, за жадность или расточительство. Как ты оказался здесь?

— Ошибка в документах.

— О, — он понимающе кивнул. — Ошибка в документах. Самая распространённая причина попадания не туда. Тут половина жителей Лимба должны были быть в других кругах, а половина тех, кто в других кругах, должны быть

здесь. Бюрократия.

Он снова отхлебнул из кружки.

— Ладно, Данте-не-поэт. Слушай совет от старого киника. Не верь никому. Не надейся ни на что. И не заводи друзей среди философов, они заговорят тебя до смерти. Хотя ты уже мёртв, так что тебе нечего терять.

— Спасибо за совет.

— Не благодари. Я дал его не для твоей пользы, а для своего удовольствия. Мне нравится, когда новички слушают мои советы. Чувствую себя мудрецом.

Он нырнул обратно в бочку, и через секунду оттуда послышался звук, подозрительно похожий на загрузку видео на YouTube.

— У него там что, планшет? — спросил я у Вергилия.

— Планшет, ноутбук, спутниковый интернет и мини-холодильник. Говорю же, VIP-бочка. Он единственный, кто сумел выбить из Канцелярии разрешение на электронику.

— И как ему это удалось?

— Он им сказал: «Если не дадите мне интернет, я буду сидеть у входа в Канцелярию и задавать вопросы каждому, кто выходит». Они дали разрешение в тот же день.

Я ещё раз посмотрел на бочку, из которой теперь доносилось приглушённое бормотание, кажется, Диоген смотрел какое-то видео про философию и возмущался тем, что «всё переврали».

— Пойдём, — Вергилий потянул меня за рукав. — Цице-

рон ждать не любит. У него обед по расписанию.

Мы вошли в здание администрации, и я в последний раз оглянулся на площадь. Солнце, или то, что заменяло здесь солнце, светило мягким жёлтым светом. Философы гуляли по аллеям. Фонтан журчал. Голуби клевали крошки.

Это был самый спокойный, самый умиротворённый и самый тоскливый Ад, который я мог себе представить.

Мы уже собирались войти в административное здание, когда бочка позади нас издала возмущённый вопль.

— Я сказал, не заслоняйте солнце!

Я обернулся. Диоген снова высунулся из своего деревянного жилища и теперь смотрел прямо на нас. Вернее, на меня. Вергилия он, кажется, вообще игнорировал, видимо, проводник ему давно надоел.

— Тут нет солнца, — заметил я, задрав голову. Под потолком, а здесь, несмотря на иллюзию открытого пространства, определённо был потолок, просто очень высокий и раскрашенный под небо, висела тусклая лампа. Одна-единственная, в мутном плафоне, какие ставят в подъездах. Она давала ровно столько света, чтобы не споткнуться о бордюр, но назвать её солнцем мог только человек с очень богатым воображением. Или очень старый философ с плохим зрением.

— Есть! — отрезал Диоген. — Вон та лампа. Это моё солнце. Я к ней привык за две тысячи лет. И когда вы стоите перед бочкой, вы заслоняете мне его. Отойдите.

— Мы стоим в трёх метрах от вас, — сказал я. — И лампа висит прямо над вами. Мы физически не можем её заслонять.

— Ты споришь со мной? — Диоген прищурился, и в его глазах мелькнул опасный огонёк. — С Диогеном Синопским? С человеком, который сказал Александру Македонскому «отойди и не заслоняй мне солнце»? С Диогеном, чьё имя стало символом свободы и презрения к условностям?

— С тем, — кивнул я. — Который жил в бочке, потому что не нуждался в доме. А теперь у него VIP-бочка с подогревом и интернетом.

Вергилий тихо застонал у меня за спиной. Кажется, он уже понял, к чему всё идёт, и ему это не нравилось.

Диоген между тем вылез из бочки полностью. Оказалось, что он невысокий, сухощавый, одетый в какую-то хламиду, которая когда-то, возможно, была белой, но за пару тысяч лет приобрела цвет пыльного мешка. Босые ноги были покрыты густым слоем загара, или грязи, сложно было разобратъ. В руке он держал глиняную кружку, из которой пахло чем-то смутно знакомым, не то вином, не то прокисшим компотом.

— Так-так-так, — сказал он, подходя ближе и разглядывая меня, как энтомолог разглядывает редкого жука. — Значит, ты знаешь мою историю. Это уже неплохо. Большинство новичков даже не слышали про Диогена. В лучшем случае помнят, что был какой-то чудак с бочкой. А ты слышал.

— Я читал, — подтвердил я. — Вы тот философ, который днём с фонарём искал человека.

Диоген фыркнул так, что капли чего-то мокрого разлетелись вокруг.

— Искал человека, — повторил он с горькой усмешкой. — Знаешь, сколько раз мне припоминали эту историю? Тысячи. Десятки тысяч. Каждый второй грешник, проходящий через Лимб, считает своим долгом пошутить про фонарь. «О, Диоген, ты всё ещё ищешь человека? Ха-ха-ха!» Как будто это смешно.

— А вы всё ещё ищите? — спросил я.

Диоген помолчал. Потом сделал глоток из кружки, поморщился и посмотрел на меня уже без прежней агрессии.

— Человека я нашёл, — сказал он неожиданно серьёзно. — Давно уже. Лет через триста после смерти. Понял, что искать надо было не снаружи, а внутри. Человек, это не тот, кто ходит на двух ногах и говорит по-гречески. Человек, это тот, кто остаётся человеком даже в Аду. А вот собеседника, — он снова фыркнул, — собеседника я не нашёл до сих пор. Две тысячи лет, и ни одного нормального собеседника. Одни философы.

— А чем плохи философы?

— Философы, — Диоген ткнул пальцем в мою сторону, — говорят только о том, чего не видели. Они обсуждают идеи, субстанции, первоначала, апейроны, монады, но никто из них ни разу не сказал простую вещь: «Диоген, ты прав».

Понимаешь? Две тысячи лет, и никто не признал, что я прав! А я ведь прав! Я всегда прав! Я жил в бочке, когда они жили во дворцах! Я ел чечевицу, когда они объедались фазанами! Я ходил босиком, когда они носили сандалии с золотыми пряжками! И что? Кто теперь живёт в бочке с подогревом и интернетом? Я! А они ютятся в общих корпусах и едят проклятую овсянку!

— Так вы поэтому в бочке? Чтобы доказать, что были правы?

— Я в бочке, — Диоген выпрямился во весь свой невеликий рост, — потому что это мой философский выбор. Бочка — это символ. Символ свободы от материального. Символ независимости. Символ того, что человеку нужно немного.

— Бочка с подогревом, — уточнил я.

— А что, свобода не имеет права на комфорт? — он возмущённо всплеснул руками. — Я две тысячи лет мёрз в обычной бочке! У меня радикулит был! Вечность — это долго, знаешь ли. Очень долго. Попробуй просидеть в бочке без подогрева хотя бы сто лет, а потом поговорим.

— А интернет?

— Интернет — это окно в мир живых, — Диоген ничуть не смутился. — Я слежу за прогрессом. Я в курсе всего. Я знаю, что сейчас происходит на Земле. В отличие от этих, — он неопределённо махнул рукой в сторону аллеи, где прогуливались другие философы, — которые до сих пор спорят о том, что сказал Аристотель в четвёртой главе «Метафизи-

ки». Аристотель умер! Его «Метафизика» устарела! Сейчас наука ушла далеко вперёд! Но попробуй им это объяснить.

— И что вы смотрите в интернете?

— Всякое. Новости. Научные открытия. Ролики про котов. Особенно про котов, они забавные. А ещё я подписан на несколько философских каналов. Правда, там одни дилетанты. Я им пишу комментарии, а они меня банят. Представляешь? Банят Диогена!

Он выглядел искренне оскорблённым. Я невольно улыбнулся.

— Значит, вы теперь интернет-троль?

— Я не троль! — он топнул босой ногой. — Я — философ, который использует современные технологии для распространения мудрости! Просто иногда мудрость заключается в том, чтобы сказать кому-то, что он идиот. Это не троллинг, это педагогика.

Вергилий, который всё это время молча стоял рядом и, кажется, молился, чтобы этот разговор побыстрее закончился, наконец не выдержал.

— Диоген, — сказал он, — мы вообще-то к Цицерону идём. По делу. Дай нам пройти.

— К Цицерону? — Диоген скривился. — К этому бюрократу? Он тебя замучает бумагами. Лучше останься здесь, поговори со мной. Я тебе такое расскажу про Лимб, чего ни один Цицерон не знает.

— Спасибо, но нам нужна Печать, — вмешался я. — Что-

бы пройти дальше.

— Печать! — Диоген расхохотался. — Ты думаешь, Печать — это главное? Печать — это бумажка. Фикция. Бюрократическая уловка, придуманная, чтобы держать вас в узде. На самом деле, чтобы пройти круги, нужна не печать, а вот это, — он постучал себя пальцем по лбу. — Ум, смекалка и немного наглости. У тебя, кстати, наглость есть. Я вижу, ты наглый.

— Спасибо. Наверное.

— Это комплимент, — заверил Диоген. — Наглость в Аду — это достоинство. Особенно когда имеешь дело с демонами. Демоны не уважают вежливость. Вежливость они воспринимают как слабость. А наглость, как проявление силы.

— Я запомню.

Диоген кивнул, потом вдруг прищурился и уставился на мою одежду. На мне всё ещё была форменная жилетка «Шкаф и точка» болотного цвета с бейджиком. Выглядела она после смерти и путешествия по серому пространству ещё хуже, чем при жизни. Помятая, пыльная, с каким-то странным пятном на рукаве, происхождение которого я даже не пытался угадать.

— Ты в этом умер? — спросил Диоген таким тоном, будто я признался в чём-то глубоко позорном.

— В этом, — подтвердил я. — На работе.

— Позор, — он покачал головой. — Умереть на работе. В униформе. Это, знаешь ли, диагноз.

— Зато я не в бочке, — парировал я.

Диоген замер. На мгновение мне показалось, что я перегнул палку, старик сейчас взорвётся, начнёт кричать, звать стражу или, чего доброго, вызовет меня на философскую дуэль. Но вместо этого он вдруг расхохотался. Смех у него был громкий и залиvistый.

— Хорошо! — воскликнул он, отсмеявшись. — Очень хорошо! «Зато я не в бочке»! А знаешь, сколько людей за две тысячи лет хотели сказать мне эту фразу, но не решались? Тысячи! А ты сказал. Потому что ты наглый. Это отлично.

— То есть вы не обиделись?

— На что тут обижаться? — он развёл руками. — Ты прав. Ты не в бочке. А я, в бочке. Но знаешь, в чём разница? Бочка — это мой выбор. Философский выбор. Сознательный отказ от ложных ценностей. А твоя униформа, — он брезгливо ткнул пальцем в мою жилетку, — это рабство. Ты носил её не потому, что хотел. Ты носил её, потому что так было нужно. Потому что так сказал начальник. Потому что таковы правила. Ты был рабом правил.

— Я был сборщиком мебели. Это просто работа.

— Работа, — Диоген произнёс это слово с таким презрением, будто оно было ругательством. — Работа — это современная форма рабства. В Древней Греции у нас были настоящие рабы, они хотя бы знали, что они рабы. А современный человек думает, что он свободен, но на самом деле он раб графика, зарплаты, кредитов и вот этой вот жилетки болот-

ного цвета. Ты умер на работе! Ты провёл последние минуты жизни не с семьёй, не с друзьями, не за любимым делом, а перетаскивая мебель! И ты считаешь, что это нормально?

— Ну, когда вы так говорите...

— Я всегда так говорю! Я — киник! Моя задача, говорить правду в лицо, даже если она неприятна! — он снова ткнул в меня пальцем. — Но ты мне нравишься. Ты не обижаешься на правду. Ты принимаешь её и отвечаешь. Это редкое качество. Большинство людей, услышав правду, либо плачут, либо злятся, либо уходят в отрицание. А ты, нет. Ты споришь. Это хорошо.

— Спасибо, — сказал я. — Наверное, это снова комплимент?

— Это констатация факта. А теперь идите к своему Цирцерону. И помни, что я сказал, наглость — твоё оружие. Не давай бюрократам себя запугать. Они только с виду страшные, а на самом деле боятся тех, кто не боится их.

Он развернулся и, шлёпая босыми ногами по плитам, пошёл обратно к бочке. Но на полпути остановился и бросил через плечо:

— И заходи вечером, если будет скучно. У меня тут неплохой контент. Могу показать ролик про то, как кот упал в аквариум. Очень философское видео.

С этими словами он нырнул в бочку, и через секунду оттуда донёсся звук видео.

Вергилий, который всё это время стоял с выражением ли-

да человека, наблюдающего крушение поезда в замедленной съёмке, наконец выдохнул.

— Так, началось, — пробормотал он. — Пошли, Димон, пока он на тебя трактат не написал.

— А он может?

— Может. Он написал трактат «О преимуществах бочки перед домом» на триста страниц. Знаешь, сколько душ это прочитали? Ни одной. Но он всё равно всем дарит по экземпляру. У меня в номере пять штук валяется. На древнегреческом. Я древнегреческий уже во сне вижу.

Мы наконец вошли в здание администрации. Внутри было прохладно и тихо. Длинный коридор с мраморным полом уходил куда-то вглубь, а на стенах висели таблички: «Отдел регистрации», «Отдел переселения», «Отдел жалоб и предложений», «Отдел жалоб на отдел жалоб и предложений».

— У них есть отдел жалоб на отдел жалоб? — спросил я.

— А ты как думал? — Вергилий усмехнулся. — Это же Ад. Бюрократия здесь возведена в абсолют. Если есть какой-то отдел, обязательно должен быть отдел, который проверяет этот отдел. И отдел, который проверяет проверяющих. И так далее, до бесконечности. Где-то на сто тридцать втором уровне этой матрёшки сидит демон, который проверяет всех остальных, и он уже три тысячи лет не выходил из кабинета, потому что не может остановиться.

— И он не сходит с ума?

— Он демон. Ему это в кайф.

Мы подошли к двери с табличкой «Администратор Лимба. Цицерон Марк Туллий. Приём по вопросам проживания, переселения, регистрации и общего порядка». Табличка была медной и натёртой до блеска, единственная начищенная вещь во всём этом санатории. Видимо, Цицерон заботился о своём имидже.

Вергилий постучал.

— Войдите! — раздался из-за двери звучный, хорошо поставленный голос. Такой голос бывает у профессиональных ораторов, дикторов и у людей, которые искренне любят звук собственной речи.

Я толкнул дверь, и мы вошли в кабинет Цицерона.

Но это уже в другой части. А пока я думал о словах Диогена. О наглости как оружию. О том, что не надо бояться бюрократов. И о том, что, возможно, старый киник был прав, в Аду, как и в мире живых, побеждает не тот, кто соблюдает правила, а тот, кто умеет их обходить.

Эту мудрость мне предстояло проверить очень скоро. Потому что впереди меня ждал Цицерон, человек, который превратил бюрократию в искусство. И встреча с ним обещала быть не менее интересной, чем беседа с человеком в бочке.

Кабинет Цицерона оказался именно таким, каким я его себе представлял, и одновременно совершенно не таким.

Представлял я мрачное подземелье с факелами на стенах,

каменный стол и сурового римлянина в тоге, который грозно смотрит на вошедших и требует ответа на вопрос: «Доколе, Катилина, ты будешь испытывать наше терпение?» Ну, или что-то в этом духе. Я, конечно, не эксперт по Цицерону, но кое-что из школьной программы помнил.

Реальность же оказалась куда более... канцелярской.

Кабинет был просторным, с высокими потолками, украшенными лепниной. Вдоль стен стояли шкафы, забитые свитками, книгами и папками. Много папок. Сотни, если не тысячи. Они громоздились на полках, лежали стопками на полу, высились на подоконнике. Каждая папка была подписана аккуратным почерком: «Входящие», «Исходящие», «Жалобы», «Жалобы на жалобы», «Жалобы на рассмотрение жалоб», «Дела отложенные», «Дела безнадёжные», «Дела, которые лучше не открывать».

Посреди всего этого бумажного великолепия стоял массивный дубовый стол, а за ним сидел человек. Он был в тоге, тут мои ожидания совпали с реальностью, но тога была не белоснежной, как у статуй, а сероватой, местами заштопанной и с парой чернильных пятен. На носу у человека сидели очки в тонкой золотой оправе, явно современные, из мира живых, а в руке он держал обычную синюю шариковую ручку, с колпачком.

Сам Цицерон выглядел... уставшим. Очень уставшим. У него было лицо человека, который не спал последние две тысячи лет и всё это время разбирал чужие жалобы. Под гла-

зами залегли глубокие тени, щёки впали, а лоб прорезали морщины, каждая из которых, казалось, соответствовала какой-то особо сложной бюрократической проблеме.

— Вергилий, — произнёс он, не поднимая головы от бу-
маг. Голос у него был глубокий, звучный, хорошо поставлен-
ный, сразу чувствовалась школа римских ораторов. — Ты
опоздал на четыре минуты. Я уже начал заполнять форму №
47-б о неявке сопровождаемой души в установленный срок.

— Прошу прощения, Цицерон, — Вергилий ничуть не
смутился. — Задержались у входа. Диоген поймал новичка
и начал читать ему лекцию о преимуществах бочки.

— А, — Цицерон наконец поднял глаза и посмотрел
на меня. Взгляд у него был цепкий и оценивающий, такой
взгляд бывает у кадровиков, которые за секунду сканируют
резюме и выносят вердикт. — Так это и есть тот самый Дан-
те?

— Тот самый, — подтвердил Вергилий.

— Данте, — повторил Цицерон, пробуя слово на вкус. —
Хорошее имя. Короткое, звучное и легко вписывается в фор-
муляры. У предыдущего Данте, которого водил Вергилий,
имя было длиннее, Данте Алигьери. Приходилось использо-
вать дополнительные строки в отчётах.

— Сочувствую, — сказал я, не зная, что ещё можно отве-
тить на такое.

— Ничего, — Цицерон махнул рукой. — Я привык. За
две тысячи лет привыкаешь ко всему. Даже к тому, что души

пугают, а проводники опаздывают.

Он указал на два стула, стоявших перед столом. Стулья были жёсткие, деревянные, с прямыми спинками, явно рассчитанные на то, чтобы посетители не засиживались.

— Садитесь. Разговор будет долгим.

Мы сели. Вергилий устроился на стуле с видом человека, который проходил через эту процедуру сотни раз и уже не испытывает по этому поводу никаких эмоций. Я же сел, стараясь не смотреть на горы папок, которые, казалось, вот-вот обрушатся.

Цицерон отложил ручку, сцепил пальцы перед собой и несколько секунд молча смотрел на меня. Я чувствовал себя как на собеседовании. Собственно, это, наверное, и было собеседование, только на должность обитателя Лимба.

— Итак, Данте, — начал он. — Бывший Дмитрий Дантес. Душа № 9 999 999 999. Дата смерти: сегодня. Причина смерти: нелепая. Статус регистрации: временный. Проводник: Вергилий, лицензия № 2.

— Вы неплохо информированы, — заметил я.

— Это моя работа, — он чуть заметно улыбнулся. — Я администратор Лимба. Я знаю всё, что происходит в моём круге. И за его пределами тоже. У меня есть источники.

— Демоны-информаторы?

— Нет, просто хорошая картотека. — Он похлопал ладонью по одной из папок. — Здесь, досье на каждую душу, прошедшую через Лимб за последние две тысячи лет. На тебя,

кстати, тоже уже заведено. Пока тоненькое, но это временно.

Он вытащил из стопки свежую папку, раскрыл её и пробежал глазами по содержанию.

— Так-так-так. Дмитрий Дантес. При жизни сборщик мебели в гипермаркете «Шкаф и точка». Не женат. Детей нет. Домашних животных нет. Хобби: видеоигры, сарказм, уклонение от ответственности. В графе «Подвиги» — прочерк. В графе «Преступления» — прочерк. В графе «Особые приметы» — «склонность к неуместным комментариям».

— Уклонение от ответственности? — переспросил я. — Это что значит?

— Это не моя формулировка, это автоматическая система так определяет. На основе твоей жизненной траектории. Ты не делал карьеру, не заводил семью, не вступал в партии, не участвовал в общественной жизни. Просто жил и плыл по течению.

— Я работал, — возразил я. — Между прочим, сборщиком мебели первого разряда.

— Работа — это ещё не всё, — Цицерон закрыл папку. — Но не переживай. В Лимбе у тебя будет возможность... скажем так, проявить себя. Возможно, даже вписать что-нибудь в графу «Подвиги».

— Что нужно делать? — спросил я прямо.

Цицерон вздохнул и откинулся на спинку кресла.

— Нужно, чтобы ты понял, куда попал, — сказал он. — Лимб — это не просто первый круг Ада. Лимб — это храни-

лице. Здесь содержатся души, которые не заслужили наказания, но и не могут попасть в Рай. Некрещённые младенцы, добродетельные язычники, философы, поэты и герои древности. Условия здесь, как ты мог заметить, довольно мягкие. Санаторий, а не тюрьма. Но это всё равно Ад. Потому что главная пытка Лимба — это вечность без цели. Вечность, в которой ничего не происходит.

— Звучит не очень, — признал я.

— Это и есть не очень, — кивнул Цицерон. — Большинство душ, попавших сюда, постепенно впадают в апатию. Они привыкают, смиряются и перестают чего-либо хотеть. Просто существуют. Это не больно и не страшно, просто... никак.

Он сделал паузу, давая мне осмыслить сказанное.

— Но ты, — продолжил он, — не просто душа, проходящая через Лимб. У тебя есть цель. Ты хочешь пройти все круги и подать апелляцию в Канцелярию. И я, как администратор, обязан тебе в этом содействовать. Таков протокол.

— Обязаны? — я удивлённо приподнял бровь. — А разве Ад не заинтересован в том, чтобы души тут оставались?

— Ад, — Цицерон поправил очки, — заинтересован в порядке. У нас есть регламент. Параграф 815, пункт «в»: «В случае обнаружения ошибки в регистрации души администрация обязана предоставить душе возможность подать апелляцию». Если я тебе не помогу, у меня будут проблемы с Канцелярией. А проблемы с Канцелярией, — он многозна-

чительно понизил голос, — это самое страшное, что может случиться в Аду. Хуже только Штрафной Изолятор.

— И что нужно сделать, чтобы пройти дальше?

— Получить Печать Лимба.

Он поднялся из-за стола, подошёл к одному из шкафов и извлёк из него небольшой предмет, завернутый в тёмную ткань. Вернувшись к столу, он аккуратно развернул ткань, и я увидел Печать.

Она выглядела как диск из какого-то странного материала, не металл, не камень и не стекло, а что-то среднее. Поверхность диска была матовой, тусклой, и лишь в самой сердцевине теплилась едва заметная искорка света. По краю диска шла надпись на латыни, которую я, разумеется, не понял.

— Это Печать Лимба, — сказал Цицерон. — Магический артефакт, который питается тем, что мы называем «согласием душ». Пока обитатели Лимба пребывают в единстве, Печать светится и работает. Она открывает проход в следующий круг. Но сейчас...

Он поднёс диск ближе, и я увидел, что искорка в центре едва теплится. Она была не ярче, чем огонёк сигареты в темноте.

— Сейчас она практически погасла. Потому что никакого единства в Лимбе нет. Уже две тысячи лет.

— А что случилось? — спросил я, хотя уже догадывался, что ответ мне не понравится.

— Философы, — Цицерон произнёс это слово так, как другие произносят «чума» или «налоговая проверка». — Они устроили Великий Раскол.

— Из-за бассейна, — вставил Вергилий.

— Не просто из-за бассейна, — поправил его Цицерон. — Бассейн — это лишь повод, причина глубже. Две тысячи лет назад Гераклит сказал: «Всё течёт». Казалось бы, безобидная фраза. Но философы Лимба, а их тут, заметь, несколько сотен, начали её интерпретировать. И разделились на две партии.

Он вздохнул и начал загибать пальцы:

— Партия «мокрых», возглавляемая Фалесом Милетским, считает, что «всё течёт», это буквальное утверждение. Вода — первоначало. Бассейн должен быть наполнен. Партия «сухих», возглавляемая Анаксимандром, утверждает, что «течёт», это метафора изменений. Апейрон, беспредельное, сух. Бассейн должен быть засыпан песком и использоваться для пляжного волейбола.

— Для пляжного волейбола? — я не поверил своим ушам. — В Аду?

— А почему нет? — Цицерон пожал плечами. — Души должны чем-то заниматься. Пляжный волейбол ничем не хуже философских диспутов.

— И чем закончился спор?

— Ничем, — он развёл руками. — Он продолжается до сих пор. «Мокрые» и «сухие» разделили Лимб на сферы вли-

нения. Они не разговаривают друг с другом. Они бойкотируют совместные мероприятия. Они даже в столовую ходят в разные смены! Из-за этого Печать не работает. А без Печати ты не сможешь покинуть Лимб.

— И что мне делать?

Цицерон посмотрел на меня долгим взглядом. Потом перевёл взгляд на Вергилия. Потом снова на меня.

— Ты должен их помирить.

В кабинете повисла тишина. Я ждал, что Цицерон сейчас рассмеётся и скажет, что это шутка. Но он не смеялся. Он смотрел на меня серьёзно и, кажется, даже с некоторой надеждой.

— Помирить? — переспросил я. — Философов? Которые две тысячи лет спорят о том, мокрый апейрон или сухой?

— Именно.

— Я мебельщик, а не психолог.

— Вот и почини эту мебель, — Цицерон неожиданно улыбнулся. — Она развалилась. Собери заново.

Он поднялся, подошёл к шкафу и вытащил оттуда ещё одну папку. Толстую, потрёпанную, с надписью «Дела нерешённые (особо безнадёжные)».

— У меня тут, — он похлопал по папке, — скопилось несколько тысяч жалоб от обитателей Лимба. Они жалуются на соседей, на овсянку, на погоду, на отсутствие погоды, на Сократа, на громкие диспуты по ночам, на то, что нимфы слишком громко плещутся в фонтане. Но самая частая жа-

лоба, это жалоба на Раскол. Философы сами устали от войны, но никто не хочет делать первый шаг к примирению. Им нужен кто-то со стороны. Нейтральный, тот, кто не принадлежит ни к «мокрым», ни к «сухим».

— И этот кто-то я?

— Ты, — подтвердил Цицерон. — Ты здесь новичок. Ты не вписан в местную политику. У тебя нет счётов ни с Фалесом, ни с Анаксимандром. Ты — чистый лист.

— Я сборщик мебели, — повторил я. — Я не умею мирить философов.

— А ты не мири, — Цицерон подался вперёд, и в его глазах мелькнул азарт. — Ты просто... организуй процесс. Понимаешь, философы, они как дети. Им нужен не столько результат, сколько игра. Дай им игру, и они забудут про вражду.

— Игру?

— Ну, — он неопределённо повёл рукой, — что-то, что заставит их отвлечься от спора о воде и песке. Ты парень из мира живых, ты наверняка знаешь, как организовать мероприятие.

— Я организовывал только сборку кухонных гарнитуров.

— Тем более! — Цицерон оживился. — Если ты можешь организовать сборку мебели, ты можешь организовать всё что угодно. Логистика, тайминг, распределение задач — это универсальные навыки.

Я посмотрел на Вергилия в поисках поддержки. Тот лишь

пожал плечами с видом «я тебя предупреждал».

— Если я откажусь? — спросил я.

— Тогда будешь ждать, пока философы помиряются сами, — просто сказал Цицерон. — По моим подсчётам, это займёт от трёх до пяти тысяч лет. Может, больше. У нас тут время идёт по-разному, трудно прогнозировать.

Три-пять тысяч лет. В санатории. С проклятой овсянкой и спорящими философами.

— Или, — добавил Цицерон, видя моё колебание, — ты можешь принять моё предложение. Я официально назначаю тебя на должность «временно исполняющего обязанности медиатора Лимба». С испытательным сроком.

— Медиатора?

— Посредника. Миротворца. Человека, который поможет философам найти общий язык. У тебя будет официальный статус, бейджик и доступ к ресурсам Лимба.

— Каким ресурсам?

— Ну... — Цицерон замялся. — Библиотека. Архив. Столовая вне очереди. Можешь запросить консультацию у любого философа, они обязаны будут тебе ответить. Можешь пользоваться спортивным инвентарём.

— И всё?

— А что ты хотел? — он развёл руками. — Это Лимб, а не курорт. У нас скромный бюджет.

— А если я провалю испытательный срок?

— Тогда вернёшься к статусу обычной души и будешь

ждать. Три-пять тысяч лет. Или пока не случится чудо.

Выбор был, прямо скажем, небогатый. Либо я берусь за эту безумную авантюру, либо провожу вечность в ожидании чуда. А чудеса в Аду, как я подозревал, случаются нечасто.

— Ладно, — сказал я. — Согласен. Что нужно делать?

Цицерон просиял. Он тут же выдвинул ящик стола и извлёк оттуда бланк, испещрённый мелким текстом.

— Для начала, подписать форму № 12-м. «Согласие на временное исполнение обязанностей медиатора с испытательным сроком». Ознакомься, пожалуйста.

Я взял бланк и попытался прочитать. Текст был на латыни, с отдельными вкраплениями древнегреческого и ещё какого-то языка, который я вообще не мог опознать. Каждый пункт сопровождался звёздочкой и ссылкой на другой документ, который, видимо, нужно было запросить отдельно.

— Я не читаю на латыни, — сказал я.

— Ничего страшного, — Цицерон махнул рукой. — Там стандартные условия. Ты обязуешься прилагать усилия для примирения фракций Лимба, соблюдать регламент, не оскорблять философов (по крайней мере, публично) и предоставлять еженедельный отчёт о проделанной работе.

— Еженедельный отчёт?

— По средам. До полудня. В трёх экземплярах.

Я тяжело вздохнул и поставил подпись. Цицерон тут же забрал бланк, поставил на нём обычную печать и убрал в одну из папок.

— Поздравляю! — сказал он. — С этого момента ты — официальный медиатор Лимба. Вот твой бейджик.

Он протянул мне маленькую пластиковую карточку на шнурке. На карточке было написано: «Данте. Медиатор (врио)».

— А это что? — Цицерон протянул мне тонкую брошюру, отпечатанную на серой бумаге.

— Это методическое пособие. «Как примирить непримиримое за 10 шагов». Разработано лично мной. Очень полезная вещь.

Я пролистал брошюру. Она была практически пустой, только заголовки глав, под которыми зияли пустые места.

— Здесь нет текста, — сказал я.

— Разумеется, — Цицерон ничуть не смутился. — Это же первая версия. Риторическая структура. Текст будет позже.

— А шаги где? В названии сказано «за 10 шагов».

— Это риторический вопрос. Брошюра ещё не дописана. Но ты можешь помочь мне её дописать, своими действиями. Станешь, так сказать, соавтором.

Я молча повесил бейджик на шею и сунул брошюру в карман жилетки. Вергилий, наблюдавший за этой сценой, тихо усмехнулся.

— Ну вот, — сказал он. — Теперь ты не просто душа. Ты сотрудник администрации.

— С испытательным сроком, — уточнил я.

— Это ненадолго, — «успокоил» Цицерон. — Если спра-

вишься, станешь постоянным. А если нет... ну, сам понимаешь. Но я в тебя верю.

— Почему? — спросил я. — Вы меня видите первый раз в жизни. В смысле, в смерти.

Цицерон снял очки, протёр их и снова надел.

— Потому что, Данте, — сказал он, — ты первый за последние пятьсот лет новичок, который, услышав про Великий Раскол, не попытался сбежать. Это уже кое-что.

— Может, я просто не понял, во что ввязываюсь?

— Может, — согласился Цицерон. — Но это ничего не меняет. Ты подписал форму № 12-м. Пути назад нет.

Я подумал о том, что пути назад не было с того самого момента, как я поскользнулся на полу в отделе кухонных гарнитуров. Или с того момента, как родился. В конце концов, какая разница?

— Ладно, — сказал я. — С чего мне начать?

— С жилья, — Цицерон снова стал деловым. — Я распоряжусь, чтобы тебе выделили комнату в корпусе № 2. Там сейчас живут несколько новоприбывших и Сенека. Он, кстати, тоже философ, но в Расколе не участвует. Может быть полезен.

— Сенека? Луций Анней Сенека? Стоик?

— Он, — кивнул Цицерон. — Занимает комнату 217. Если повезёт, он не будет читать тебе лекции о добродетели по ночам. Но я бы на это не рассчитывал.

Он протянул мне ключ, обычный металлический ключ с

биркой «Корпус 2, комната 218».

— Вергилий проводит. Дальше, действуй по обстоятельствам. И помни: еженедельный отчёт по средам. Не опаздывай.

— А что будет, если опоздаю?

— Штрафной Изолятор, — буднично сказал Цицерон. — На сутки. За каждый день просрочки. У нас с этим строго.

Я решил, что отчёты лучше сдавать вовремя.

Мы вышли из кабинета. Вергилий, который всё это время хранил молчание, наконец заговорил:

— Ну что, медиатор? Готов спасти Лимб?

— Не готов, — честно ответил я. — Но выбора нет.

— Выбор есть всегда, — сказал Вергилий. — Просто иногда он между плохим и очень плохим. Ты выбрал плохое, и это правильно. Плохое — это временно. А очень плохое — это навсегда.

Я хотел спросить, что он имеет в виду, но тут мы вышли на площадь, и я снова увидел бочку Диогена. Старик высунулся наружу и смотрел в нашу сторону.

— Ну что? — крикнул он. — Получил назначение?

— Откуда вы знаете? — удивился я.

— У меня интернет, — он постучал пальцем по лбу. — А ещё у меня информаторы, воробьи. Они всё видят и всё слышат. Так что будь осторожен, медиатор. Твои враги уже знают о тебе.

— Какие враги? — я насторожился.

— Узнаешь, — он загадочно улыбнулся. — Скоро узнаешь. А пока, заходи вечером. Покажу ролик про кота. Очень смешной.

И он нырнул обратно в бочку.

Я переглянулся с Вергилием. Тот лишь пожал плечами.

— Привыкай, — сказал он. — Это Лимб. Тут каждый либо философ, либо бюрократ, либо сумасшедший. А некоторые, и то, и другое, и третье одновременно.

Мы направились к корпусу № 2. Я шёл, сжимая в руке ключ от комнаты и размышляя о том, что моя загробная жизнь становится всё более странной.

Корпус № 2, куда мы направлялись, находился в противоположном конце Лимба, и путь к нему пролегал через Аллею Размышлений. Длинную, обсаженную кипарисами дорожку, которая, по замыслу местных архитекторов, должна была навевать покой и способствовать философским беседам. На деле же аллея служила местом постоянных диспутов, споров и интеллектуальных засад, от которых не спасали даже густые кроны деревьев.

Вергилий шагал впереди, и по его напряжённой спине я сразу понял, мы приближаемся к опасной зоне. Он ускорил шаг, почти перешёл на бег, и, не оборачиваясь, бросил через плечо:

— Не смотри никому в глаза. Особенно ему.

— Кому «ему»? — спросил я, но ответ пришёл сам собой.

Впереди, метрах в двадцати, на небольшой круглой площадке, выложенной мраморной мозаикой, стоял человек. Вернее, человек-водоворот. Человек-чёрная дыра. Человек, вокруг которого, как планеты вокруг солнца, вращались другие люди, и по их потерянным лицам было видно, что они уже не рады тому, что попали в эту орбиту, но вырваться не могут.

Это был Сократ.

Я узнал его сразу, хотя никогда раньше не видел ни бюстов, ни портретов. Просто невозможно было не узнать. Невысокий, коренастый, с курчавой бородой, в которой застряли крошки, от недавнего обеда в столовой. Одет в простой хитон, перепачканный чем-то тёмным. На ногах сандалии, одна из которых была подвязана верёвкой. Глаза, живые, цепкие, с хитринкой, бегали от одного собеседника к другому, и каждый, на кого падал этот взгляд, вздрагивал, как от удара током.

Вокруг него столпилось человек десять, судя по одежде, новоприбывшие. Некоторые были в современных костюмах, другие — в чём-то среднем, третьи — в больничных халатах. Все они выглядели растерянными, сбитыми с толку и отчаянно пытались найти правильный ответ на вопросы, которые им задавали. А вопросы сыпались один за другим, как теннисные мячи из автоматической пушки.

— Итак, — говорил Сократ, обращаясь к мужчине в деловом костюме, который стоял ближе всех и уже начал по-

теть, хотя в Лимбе было вполне прохладно. — Ты утверждаешь, что при жизни был справедливым человеком. Но что есть справедливость? Дай определение.

— Ну... — мужчина нервно поправил галстук. — Справедливость — это когда каждому воздаётся по заслугам.

— По заслугам, — Сократ кивнул с таким видом, будто слышал нечто глубокомысленное. — Прекрасно. А кто определяет эти заслуги? Судья? Закон? Общество? Если судья несправедлив, справедлив ли его приговор? Если закон несовершенен, справедливо ли его исполнение? Если общество ошибается, справедливо ли его мнение?

Мужчина открыл рот. Закрыл. Снова открыл. Снова закрыл.

— Я не знаю, — выдавил он наконец.

— Вот! — Сократ просиял так, будто ему только что вручили Нобелевскую премию. — Начало мудрости! Ты признал своё незнание. Это первый шаг. Теперь давай сделаем второй, докажи, что ты действительно не знаешь.

— Что?! — мужчина в ужасе уставился на философа. — Как можно доказать, что я чего-то не знаю?

— Отличный вопрос! — Сократ буквально засиял. — Как доказать отсутствие знания? Может быть, отсутствие знания — это тоже форма знания? Ведь чтобы осознать своё незнание, нужно уже обладать неким знанием о том, что именно ты не знаешь. Получается, ты знаешь, что ты не знаешь. А если ты знаешь, что ты не знаешь, то ты уже знаешь нечто.

Что именно?

Мужчина издал звук, похожий на сдавленный стон. Галстук, который он продолжал теревить, теперь напоминал удавку.

Вергилий, всё это время державшийся на безопасном расстоянии, дёрнул меня за рукав:

— Не смотри в глаза. Не отвечай. Не вступай в диалог. Идём быстро и тихо, может, не заметит.

Мы попытались обойти площадку по дуге, прижимаясь к живой изгороди. Я старался не смотреть на Сократа, но это было всё равно что пытаться не смотреть на пожар, любопытство пересиливало инстинкт самосохранения.

— А ты! — Сократ вдруг повернулся к женщине в больничном халате, которая стояла чуть поодаль и, кажется, надеялась, что про неё забудут. — Ты уверена, что ты мертва?

— Ну... да? — неуверенно произнесла женщина. — Я умерла в реанимации. Врачи сказали...

— Врачи сказали! — Сократ всплеснул руками. — Ты веришь врачам? А что, если они ошиблись? Что, если ты сейчас не в Аду, а в коме, и всё это тебе снится? Или, может быть, ты умерла, а я нет, и я тебе снюсь? Кто кому снится? Ты мне или я тебе?

Женщина побледнела.

— Я не знаю...

— Прекрасно! — Сократ уже ликовал. — Ещё одна мудрая душа! Признание своего незнания — это первый шаг к

знанию. Но парадокс в том, что, признав незнание, ты уже знаешь нечто. Ты знаешь, что ты не знаешь. А это — знание. Значит, ты уже не можешь сказать «я не знаю», потому что одно ты уже знаешь точно. Что именно?

— Что я ничего не знаю? — робко предположила женщина.

— Именно! — Сократ захлопал в ладоши. — Но если ты знаешь, что ты ничего не знаешь, то это утверждение само по себе является знанием. А значит, ты уже знаешь не «ничего», а нечто. Следовательно, утверждение «я знаю, что ничего не знаю» — ложно. Ты знаешь как минимум одно, что ты ничего не знаешь. Но если ты знаешь это одно, то ты уже не можешь утверждать, что не знаешь ничего!

Женщина села на землю и заплакала.

Сократ, казалось, был в восторге. Он повернулся к следующей жертве, молодому парню с татуировкой на шее, но тут его взгляд упал на нас с Вергилием. Вернее, на меня. Вергилий, наученный горьким опытом, уже практически растворился в тени кипариса, а я, как последний дурак, замешкался на открытом месте.

— О! — Сократ просиял. — Новенький!

Я замер. Вергилий из тени издал сдавленный стон, в котором смешались отчаяние и что-то вроде «я же предупреждал».

— Подойди, подойди, — Сократ поманил меня рукой. — Не бойся. Я просто хочу задать тебе пару вопросов.

— Мне нужно в номер, — сказал я, делая шаг назад. — Вещи разобрать. День был тяжёлый.

— Вещи! — глаза Сократа загорелись. — А что есть вещи? Материальные объекты? Или проекции нашего сознания? Есть ли у тебя вещи, если ты мёртв? Может ли мёртвый чем-то владеть?

— Я не знаю, я только сегодня умер.

— Сегодня! — он буквально подпрыгнул на месте. — А что есть «сегодня»? День? Ночь? Промежуток времени? Существует ли время в Аду? Можешь ли ты измерить «сегодня», если у тебя нет часов, нет солнца, нет смены дня и ночи?

— У меня в телефоне были часы, но телефон остался в теле.

— Телефон в теле! — Сократ схватился за голову, будто я только что открыл ему величайшую истину. — Это метафора или реальность? Если телефон остался в твоём мёртвом теле, значит ли это, что твоё тело — контейнер для информации? А душа — что? Тоже контейнер? Или информация и есть душа?

Я понял, что пропал. Ещё секунда, и меня затянет в этот водоворот вопросов, из которого нет выхода. Нужно было срочно что-то делать.

— Меня зовут Данте, — сказал я, надеясь перевести разговор в более безопасное русло.

Не помогло.

— Данте! — Сократ всплеснул руками. — Какое прекрасное имя! Но уверен ли ты, что это твоё имя?

— Ну, — я замялся, — система сказала, что моё настоящее имя занято. Так что теперь я Данте.

— Ага! — он торжествующе поднял палец. — Система сказала! Ты доверяешь системе? Ты знаешь, как она работает? Может быть, система ошибается? Может быть, ты — это не ты, а тот, другой Данте, просто забыл об этом? Или, может быть, вы оба — один человек, разделённый во времени?

— Я Дантес по паспорту, — попытался возразить я. — И другой Дантес, он убил поэта. А я только мебель собирал.

— Мебель! — Сократ, кажется, вообще не слушал моих возражений. — Ты собирал мебель. Соединял части в целое. А что есть мебель, как не метафора души? Отдельные части, ножки, столешницы, ящики, соединённые в гармоничное целое. Не так ли устроена душа? Не состоит ли она из отдельных добродетелей, собранных воедино?

— Вообще-то я просто свинчивал шкафы по инструкции.

— Инструкция! — он уже был в экстазе. — Инструкция — это свод правил. А что есть правила, как не попытка упорядочить хаос? Кто написал инструкцию? Кто-то знающий. Но откуда он знал? Он следовал другой инструкции? А ту инструкцию кто написал? Цепочка инструкций уходит в бесконечность, и в начале её кто? Бог? Демон?

— Послушайте, — я начал отступать, — я правда спешу. Мне надо заселиться, расписание посмотреть, к Цицерону

на приём записаться...

— Цицерон! — Сократ всплеснул руками, будто я назвал имя его лучшего друга. — Ты знаком с Цицероном? Великий оратор. Он утверждает, что знает, что есть справедливость. Но я спрашивал его: «Цицерон, что есть справедливость?» И знаешь, что он ответил?

— Что?

— Он сказал: «Сократ, у меня обед через пять минут, отстань». Но разве это ответ?! Разве обед важнее истины? Хотя, — он задумался на мгновение, — что есть обед? Пища для тела? Но у нас нет тел. Значит, обед — это иллюзия. Но если обед — иллюзия, то почему все ходят в столовую? Может быть, иллюзия и есть реальность? Или реальность — это иллюзия?

— Я не знаю! — почти выкрикнул я. — Я хочу просто дойти до своего номера, лечь и попытаться осознать, что я умер!

Сократ остановился. На его лице медленно расцвела улыбка, широкая, полная искренней радости.

— «Я хочу дойти до номера», — повторил он задумчиво. — А что есть «номер»? Место в пространстве? Убежище? Состояние души? Если номер — это место, то где оно находится? Ты можешь указать на него пальцем? Если номер — это убежище, то от чего ты прячешься? От вопросов? От истины? От самого себя?

— Это комната в корпусе, — сказал я, чувствуя, что земля

уходит из-под ног. — С кроватью. И душем. Наверное.

— Кровать! — Сократ уже сиял. — А что есть кровать? Приспособление для сна? Но нужен ли сон мёртвым? Если мы не спим, зачем нам кровати? Если кровати не нужны, зачем они стоят в комнатах? Может быть, они стоят там не для сна, а для размышлений? Может быть, кровать — это метафора?

— Может быть, — согласился я. — Но я хочу в номер. С кроватью. Сейчас.

— «Сейчас», — Сократ покачал головой. — Ты всё время говоришь о времени. «Сейчас», «сегодня», «потом». Но разве в вечности есть время? Если ты в вечности, то каждое мгновение — это «сейчас». Ты всегда в «сейчас». Прошлое — это «сейчас», которое ушло. Будущее — это «сейчас», которое ещё не наступило. Вся твоя жизнь, смерть, загробное существование — это одно бесконечное «сейчас». Так куда ты спешишь?

— Я не спешу, — я уже почти шептал. — Я просто иду.

— «Иду»! — он хлопнул в ладоши. — Движение! Перемещение в пространстве! Но что есть движение? Если ты движешься относительно Лимба, а Лимб неподвижен, то как ты узнаешь, что движешься именно ты, а не Лимб движется относительно тебя? Может быть, ты стоишь на месте, а мир вращается вокруг? Или вы оба неподвижны, а движение — это иллюзия?

Я открыл рот. И тут, как ангел-спаситель, из тени появил-

ся Вергилий.

— Так, всё! — он схватил меня за шиворот и буквально выдернул из круга, в который уже начали впадать мои мысли. — Разговор окончен. У нас дела. Срочные. Государственной важности.

— Государственной! — Сократ попытался ухватиться за новое слово, но Вергилий уже тащил меня прочь быстрым шагом, почти бегом. — А что есть государство? Объединение людей? Но если людей нет, а есть души — есть ли государство? Или государство — это идея, которая существует независимо от...

Его голос затих в отдалении. Ещё несколько секунд я слышал обрывки фраз, что-то про «общественный договор», «природу власти» и «а существует ли власть в Аду», а потом они окончательно растворились в шуме кипарисов.

Вергилий отпустил меня только тогда, когда мы отошли метров на сто. Я прислонился к ближайшей колонне и попытался отдышаться, хотя дыхания у меня, строго говоря, не было.

— Я же предупреждал, — сказал Вергилий с укоризной. — Я же говорил, не смотри в глаза. Не отвечай. Не вступай в диалог. А ты что сделал?

— Я просто сказал, как меня зовут.

— «Просто сказал, как меня зовут», — передразнил он. — С Сократом не бывает «просто». С Сократом любое слово — это повод для диалога. Любой диалог — это повод для спора.

Любой спор — это повод для нового диалога. Это бесконечная рекурсия, из которой нет выхода. Я однажды застрял с ним на три дня. Три дня, Данте! Я пришёл к нему спросить дорогу в библиотеку, а вышел с осознанием, что я не знаю, что такое «библиотека», «дорога», «спросить» и «я».

— И как вы вышли?

— Сказал, что мне нужно в туалет. Он начал спрашивать, что есть «туалет» и зачем мне туда, если у меня нет физиологических потребностей, но я просто развернулся и ушёл. Единственный способ победить Сократа, это не играть в его игру.

Я медленно приходил в себя. Голова, или то, что заменяло мне голову в этом бестелесном существовании, слегка кружилась.

— Он всегда такой? — спросил я.

— Всегда, — мрачно подтвердил Вергилий. — Две тысячи лет. Без выходных и без перерыва на обед. Я иногда думаю, что его настоящее наказание, это не Лимб, а он сам. Он обречён вечно задавать вопросы и никогда не получать окончательных ответов. А окружающие обречены вечно на них отвечать.

— Это ужасно.

— Это Сократ.

Мы продолжили путь к корпусу № 2. Теперь я старался не смотреть по сторонам и уж тем более никому не представляться. Впрочем, других опасностей на аллее не было, толь-

ко несколько душ в тогах, которые что-то обсуждали в сторонке, да одинокий индийский мудрец, который сидел под деревом в позе лотоса и вообще ничего не замечал вокруг.

— Знаешь, — сказал я, когда корпус уже показался впереди, — он задал один вопрос, который меня зацепил.

— Только один? — усмехнулся Вергилий. — Тебе повезло. Обычно цепляет штук пять-шесть.

— Он спросил: «Кто ты теперь?» Если я больше не Дмитрий Дантес, если моё имя занято, если я теперь просто Данте... кто я?

Вергилий помолчал, обдумывая вопрос. Потом пожал плечами.

— Ты тот, кем себя назовёшь. И тот, кем себя покажешь. Имя — это не ярлык. Имя — это история. Данте Алигьери вошёл в историю как поэт, прошедший Ад. Ты — Данте, сборщик мебели, который тоже проходит Ад. Может быть, твоя история будет не хуже.

— Сомневаюсь.

— А ты не сомневайся. Сомнение — это путь к Сократу. А тебе туда пока рано.

Мы подошли к корпусу № 2, длинному одноэтажному зданию с колоннами и облупившейся краской, которое выглядело как помесь античного храма и общежития для студентов. На двери висела табличка: «Корпус № 2. Комнаты 200–250. Тихий час с 14:00 до 16:00. Нарушители тихого часа будут оштрафованы».

— Здесь ты будешь жить, — сказал Вергилий. — Комната 218. Сосед Сенека. Я бы сказал «приятного соседства», но Сенека философ, а философы в качестве соседей, это то ещё удовольствие. Хотя он хотя бы не Сократ.

— И на том спасибо.

Я взялся за ручку двери, но тут Вергилий добавил:

— И вот что, Данте. Запомни, Сократ — не враг. Он просто делает то, что умеет. И если ты хочешь помирить «мокрых» и «сухих», тебе придётся научиться с ним взаимодействовать. Он ключевая фигура в Лимбе. К его мнению прислушиваются. Даже если не понимают.

— И как с ним взаимодействовать?

— Задавай вопросы первым, — Вергилий улыбнулся. — Если ты спрашиваешь, он отвечает. А когда он отвечает, он не спрашивает. Это единственный известный мне способ заткнуть Сократа.

Я кивнул, запоминая совет, и открыл дверь.

3

Глава 3. Мокрые, сухие и философский потоп

Ночь в Лимбе прошла... странно.

Я бы сказал «я плохо спал», но это было бы неточно. Во-первых, я мёртв, а мёртвые, по идее, не спят. Во-вторых, то состояние, в котором я провёл время с момента, когда погасли лампы под потолком, имитирующие закат, до момента,

когда они снова зажглись, имитируя рассвет, сложно было назвать сном. Скорее, это было нечто среднее между медитацией, дрёмой и лёгким помешательством.

Мой мозг, или то, что теперь заменяло мне мозг, упорно прокручивал события прошедшего... дня? Суток? Вечности? Сложно подобрать слово. Я снова и снова видел очередь из миллиардов душ, глючный терминал, Вергилия с его заляпанной тогой и бейджиком, бочку Диогена, грустные глаза Цицерона и, конечно, Сократа. Сократа, который задавал вопросы и не слушал ответов. Сократа, который за пять минут довёл меня до состояния, близкого к философскому коллапсу.

«А что есть сон? — звучал у меня в голове его голос, хотя самого философа рядом не было. — Если ты спишь, но не видишь снов, спишь ли ты на самом деле? Если ты мёртв, но продолжаешь мыслить, мёртв ли ты? Если...»

Я заставил себя заткнуться. Внутренний Сократ, это последнее, что мне было нужно.

К тому же меня отвлекал храп.

Сенека, мой сосед по комнате, спал, или делал вид, что спит, и издавал звуки, которые я бы описал как «медведь, пытающийся завести бензопилу». Храп был громким, ритмичным и каким-то... философским, что ли. В нём слышалась структура. Тезис — антитезис — синтез. Вдох — пауза — выдох. Апейрон — вода — песок.

Я лежал на жёсткой койке, глядя в серый потолок, и ду-

мал о том, что, наверное, это и есть адская пытка для новичков. Не огонь, не сера и не черти с вилами. А храпящий философ-стойк и внутренний голос, который задаёт слишком много вопросов.

Когда лампы наконец зажглись, имитируя утро, я почувствовал нечто вроде облегчения. По крайней мере, теперь можно было встать, размяться и сделать вид, что я начинаю новый день. Пусть даже этот день, часть вечности.

Сенека проснулся одновременно со мной. Он сел на койке, поправил тогу, которая сбилась за ночь, и посмотрел на меня ясными, совершенно не заспанными глазами.

— Доброе утро, Данте, — произнёс он. — Надеюсь, ты хорошо провёл ночь. Я лично провёл её в размышлениях о природе добродетели. Это было весьма продуктивно.

— Вы храпели, — сказал я.

— Храп, — Сенека поднял палец, — это не недостаток. Это дыхательная медитация. Организм очищается через звук. Стоики называют это «*sonitus purificatio*» — очистительный шум. Очень полезная практика.

— Вы сами это придумали?

— Разумеется, — он ничуть не смутился. — Я вообще много чего придумал за две тысячи лет. Например, утреннюю гимнастику для души. Хочешь, покажу?

— Мне нужно к Цицерону, — быстро сказал я, вставая с койки. — Срочные дела. Медиаторские.

— А, — Сенека понимающе кивнул. — Медиаторство.

Похвальное занятие. Быть посредником между враждующими сторонами, это, знаешь ли, одна из форм добродетели. Но будь осторожен, философы Лимба — это не просто спорщики. Это спорщики с двухтысячелетним стажем. Они отточили своё упрямство до совершенства.

— Я уже понял.

— И ещё, — он понизил голос. — Остерегайся Анаксимандра. Он кажется сухим педантом, но на самом деле он тот ещё интриган. А Фалес... Фалес просто мокрый. Во всех смыслах.

Я поблагодарил за совет, наскоро привёл себя в порядок (привычка, от которой сложно избавиться даже после смерти) и вышел из комнаты.

Коридор корпуса № 2 был уже оживлён. Души в тогах, хитонах и изредка в современной одежде спешили по своим делам. Кто-то шёл в столовую, судя по доносившимся оттуда запахам, сегодня снова давали проклятую овсянку. Кто-то прогуливался с книгой. Двое философов прямо в коридоре вели оживлённый спор о том, является ли тишина отсутствием звука или самостоятельной сущностью.

Я прошёл мимо них, стараясь не встречаться взглядами, и вышел на улицу.

Лимб в утреннем свете выглядел почти уютно. Лампы под потолком горели ярче, имитируя солнечное утро. Фонтан журчал. Птицы, или то, что заменяло здесь птиц, щебетали в кронах кипарисов. Где-то вдалеке слышался голос Диогена,

он комментировал проходящих мимо философов.

— ...и вот идёт Платон! Платон, ты сегодня в мире идей или снизошёл до нас, смертных? А, ты делаешь вид, что не слышишь! Правильно! Идеи не слышат! Они существуют отдельно!

Я ускорил шаг. Ещё одной встречи с Диогеном мой неокрепший рассудок мог не выдержать.

Административное здание встретило меня прохладой и запахом архивной пыли. Я поднялся на второй этаж, прошёл мимо табличек «Отдел жалоб», «Отдел жалоб на отдел жалоб», «Отдел жалоб на отдел жалоб на отдел жалоб» (эта матрёшка, видимо, уходила в бесконечность) и постучал в дверь Цицерона.

— Войдите, Данте! — раздался звучный голос.

Я вошёл. Цицерон сидел за своим столом, и перед ним лежало ещё больше бумаг, чем вчера. Но сейчас он не писал. Он смотрел на большой свиток, развёрнутый на столе, и вид у него был озабоченный.

— Доброе утро, — сказал я. — Вы просили зайти.

— А, да, — он оторвался от свитка и жестом пригласил меня сесть. — Присаживайся. Разговор будет долгим и, боюсь, не самым приятным.

Я сел на тот же жёсткий стул, что и вчера, и приготовился слушать.

— Вчера я обрисовал тебе ситуацию в общих чертах, — начал Цицерон. — Сегодня я расскажу подробности. Пото-

му что без понимания деталей ты не сможешь работать медиатором. А если ты не сможешь работать медиатором, — он сделал паузу, — ты проведёшь в Лимбе ближайшие несколько тысяч лет.

— Отличная мотивация, — пробормотал я.

— Я стараюсь, — он чуть улыбнулся, но тут же снова стал серьёзным. — Итак. Две тысячи лет назад Гераклит Эфесский, один из величайших философов древности, произнёс фразу: «Всё течёт». Казалось бы, метафора изменчивости бытия. Никто не придавал ей особого значения. Гераклит вообще любил говорить загадками. Его так и звали — Тёмный. Потому что никто не понимал, что он имеет в виду.

Цицерон вздохнул и откинулся на спинку кресла.

— Гераклит умер, попал в Лимб и продолжил философствовать. Но здесь его фраза обрела новую жизнь. Потому что в Лимбе, знаешь ли, очень мало развлечений. Философы веками сидят и обсуждают одни и те же тексты. И вот, примерно полторы тысячи лет назад, началось...

— Великий Раскол? — предположил я.

— Не сразу. Сначала были просто дискуссии. Фалес Милетский, он, кстати, умер ещё раньше Гераклита, прочитал его труды и сказал: «Всё течёт — это буквально. Вода есть первоначально всего сущего. Я всегда это говорил». И с ним согласились несколько десятков философов. Они стали называть себя «мокрыми».

— А «сухие»?

— А «сухие» появились позже. Анаксимандр, ученик Фалеса, между прочим, не согласился с учителем. Он сказал: «Фалес, ты слишком буквалан. "Всё течёт" — это метафора. Первоначально не вода, а апейрон — беспредельное, неопределённое и сухое». Фалес, разумеется, обиделся. Учитель и ученик разругались вдрызг. И понеслось.

Цицерон взял со стола свиток и развернул его передо мной.

— Вот. Это карта Лимба. Вернее, карта баррикад.

Я посмотрел на свиток. Это была самая странная карта, которую я когда-либо видел. Она была нарисована от руки, явно самим Цицероном, и изображала Лимб в разрезе. Корпуса, аллеи, фонтан, бассейн, всё было тщательно подписано. Но главное, на карте были отмечены баррикады.

— Вот это что? — я ткнул пальцем в значок, похожий на стену из маленьких квадратиков.

— Это главная баррикада «мокрых», — пояснил Цицерон. — Они перекрыли восточную аллею, чтобы «сухие» не могли ходить в столовую через их территорию. Баррикада построена из книг. В основном, труды Платона. Видишь надпись?

Я пригляделся. Рядом со значком баррикады было подписано аккуратным почерком: «Здесь лежат труды Платона (не читать)».

— «Не читать»? — удивился я.

— Потому что если начнёшь читать, затянет. Платон, зна-

ешь ли, пишет тяжело. У него там идеи, эйдосы, пещера... Один раз кто-то из новоприбывших попытался прочитать, просидел на баррикаде три года, потом записался в ученики к Сократу. Так что «мокрые» предусмотрительно повесили предупреждение.

— А эта баррикада? — я показал на другой значок, в западной части карты.

— Это баррикада «сухих». Построена из трудов Аристотеля. Видишь пометку?

«Осторожно, злой Аристотель».

— Почему злой?

— Потому что Аристотель в Лимбе действительно злой. Он попал сюда, хотя должен был, по идее, отправиться в Рай, но какая-то бюрократическая ошибка, и он застрял здесь. И теперь он срысывает свою злость на всех. Его труды, это систематизированная ярость. «Категории», «Аналитика», «Метафизика», просто читать опасно, а использовать как стройматериал, тем более.

— Баррикады из книг, — я покачал головой. — Звучит как сюжет для какого-то безумного фильма.

— Это не фильм, — Цицерон постучал пальцем по карте. — Это реальность Лимба. И эти баррикады, лишь вершина айсберга. Главная проблема в другом.

— В чём?

— В бассейне, — он указал на центр карты, где было изображено прямоугольное сооружение с колоннами. — Вот он.

Главный бассейн Лимба. Когда-то это было прекрасное место. Вода, мрамор, нимфы плещутся. Но сейчас...

— «Мокрые» хотят заполнить его водой, — продолжил я.
— «Сухие» — засыпать песком для пляжного волейбола.

— Именно. И никто не хочет уступать. Спору полторы тысячи лет. За это время бассейн пришёл в запустение. Вода протухла, мрамор потрескался, нимфы ушли работать в столовую. А философы продолжают спорить.

— Но почему они просто не могут договориться? — спросил я. — Сделать половину бассейна мокрой, половину сухой? Или чередовать? День воды, день песка?

— Ты мыслишь как нормальный человек, — Цицерон грустно улыбнулся. — Но философы, это не нормальные люди. Для них принцип важнее практичности. Если признать, что бассейн может быть и мокрым, и сухим, значит, признать, что истина относительна. А это крах всей их философской системы.

— Но истина ведь действительно относительна?

— Не говори этого при них, — он предостерегающе поднял палец. — Особенно при Сократе. Он с тобой согласится, а потом три дня будет доказывать, что ты неправ.

Я снова посмотрел на карту. Баррикады, линии разграничения, нейтральная полоса. Лимб выглядел как государство в состоянии затяжной гражданской войны. Только вместо танков и артиллерии, книги, свитки и философские трактаты.

— А как давно они воюют именно так? — спросил я. — С баррикадами, бойкотами и всем остальным?

— Активная фаза началась лет триста назад, — Цицерон заглянул в какую-то папку. — До этого они просто не разговаривали друг с другом. Но потом кто-то из «сухих» случайно обрызгал Фалеса водой из фонтана, и началась эскалация. Баррикады построили за одну ночь. Это был самый организованный хаос, который я видел за две тысячи лет.

— И вы ничего не можете сделать? Вы же администратор.

— Я администратор, — он развёл руками. — Я слежу за порядком, за документами, за тем, чтобы овсянка была подана вовремя. Но я не могу заставить философов договориться. Они слишком умны для этого.

— Тогда почему вы думаете, что я смогу?

Цицерон снял очки, протёр их и снова надел. Потом посмотрел на меня долгим, оценивающим взглядом.

— Потому что ты не философ, — сказал он наконец. — У тебя нет доктрины, которую нужно защищать. У тебя нет эго, которое нужно тешить. Ты — человек из мира живых, который привык решать практические задачи. Собрать шкаф, переставить витрину, починить розетку. Философы Лимба спорят о том, чего никогда не видели. А ты работал руками. Это другой тип мышления.

— И вы думаете, что это поможет?

— Я надеюсь, — поправил он. — Больше мне надеяться не на что. Если ты не справишься, Печать Лимба погаснет

окончательно. И тогда мы все застрянем здесь навсегда. Даже те, кто мог бы уйти.

— А что будет, если Печать погаснет?

— Лимб станет тупиком. Души, которые должны были пройти дальше, не смогут этого сделать. Те, кто должен был попасть сюда, не попадут. Система даст сбой. А когда система даёт сбой, — он понизил голос, — приходят аудиторы из Канцелярии.

— И что делают аудиторы?

— Никто не знает, — Цицерон передёрнул плечами. — Те, к кому они приходили, больше не возвращались. Даже в виде душ.

Я молча переваривал информацию. Картина вырисовывалась безрадостная. Я, сборщик мебели, должен помирить две партии философов, которые полторы тысячи лет спорят о том, мокрый мир или сухой, иначе весь Лимб превратится в вечную пробку, а меня, возможно, аннулируют аудиторы из Небесной Канцелярии.

— Ладно, — сказал я. — Давайте по порядку. Кто главные действующие лица?

— Отличный вопрос, — Цицерон оживился и вытащил из стопки ещё одну папку. — Я подготовил краткие досье на ключевых фигур.

Он открыл папку и начал читать.

— Партия «мокрых». Лидер — Фалес Милетский. Год рождения: примерно 624 до Рождества Христова. Специа-

лизация: натурфилософия. Основная идея: вода — первоначало всего. Характер: увлечённый, эмоциональный, немного рассеянный. Может упасть в колодец, если засмотрится на звёзды. Собственно, однажды так и сделал, правда, ещё при жизни. В Лимбе колодцев нет, но он всё равно периодически падает, просто на ровном месте. Любит: воду, дождь, влажность, купание и плескание. Ненавидит: сухость, песок, пустыни и Анаксимандра.

— Анаксимандр, — продолжил Цицерон, — лидер «сухих». Ученик Фалеса, с которым он разругался. Год рождения: примерно 610 до Рождества Христова. Специализация: космология, метафизика. Основная идея: первоначало — апейрон, беспредельное, которое сухо. Характер: педантичный, дотошный, обидчивый. Никогда не забывает обид. Помнит, как Фалес назвал его «сухарём» в 437 году, и с тех пор не разговаривает с учителем. Любит: песок, точность, порядок и пляжный волейбол. Ненавидит: воду (особенно в бассейне), Фалеса и спонтанность.

— И эти двое, бывшие учитель и ученик? — уточнил я.

— Более того — бывшие друзья. Когда-то они вместе сидели в столовой, ели овсянку и обсуждали природу вещей. А теперь даже не здороваются. Это самая печальная часть этой истории.

Цицерон перелистнул страницу.

— Кроме лидеров, есть ещё сочувствующие. У «мокрых», это, например, Гераклит, с которого всё началось. Правда,

он уже и сам не рад, что его фразу так интерпретировали. Он пытался объяснить, что имел в виду совсем другое, но его никто не слушает. У «сухих» — Парменид. Он вообще считает, что движение — это иллюзия, и бассейн не существует. Но тем не менее поддерживает Анаксимандра, из принципа.

— А Сократ?

— Сократ — особая статья, — Цицерон тяжело вздохнул. — Он не примкнул ни к одной из сторон. Он задаёт вопросы и тем, и другим. «Мокрые» считают его провокатором, «сухие» — шпионом. На самом деле ему просто нравится задавать вопросы. Он не выбирает сторону, потому что выбор стороны означал бы, что у него есть определённое мнение. А у Сократа нет определённого мнения. У него есть только вопросы.

— Значит, Сократ нейтральный?

— В теории, да. На практике он мешает всем одинаково. Если ты хочешь помирить «мокрых» и «сухих», тебе придётся либо привлечь Сократа на свою сторону, либо найти способ его нейтрализовать.

— Как можно нейтрализовать Сократа?

— Задавать ему вопросы первым, — раздался голос от двери.

Я обернулся. В дверях стоял Вергилий, он, видимо, только что вошёл и слышал последнюю часть разговора.

— Если ты спрашиваешь первым, он вынужден отвечать, — пояснил Вергилий, проходя в кабинет и усаживаясь на

свободный стул. — А когда он отвечает, он теряет инициативу. Это единственный способ. Я научился этому за две тысячи лет.

— Я так и запомнил, — кивнул я. — Что ещё мне нужно знать?

Цицерон закрыл папку и посмотрел на меня поверх очков.

— Тебе нужно знать, что ситуация критическая. Месяц назад «мокрые» объявили бойкот столовой в знак протеста против того, что «сухие» заняли лучшие места у окна. «Сухие» в ответ перестали ходить на общие собрания. Коммуникация между партиями полностью разрушена. Если ничего не изменится, через пару месяцев они начнут строить стену через весь Лимб. Буквальную стену, из книг, свитков и обломков статуй.

— А что будет, если Печать погаснет раньше, чем я их помирю?

— Тогда, — Цицерон снял очки, — мы все узнаем, что происходит, когда система Ада даёт сбой. И, поверь мне, лучше этого не знать.

Я посмотрел на Вергилия. Тот сидел с непроницаемым лицом, но по его глазам было видно, что он тоже обеспокоен.

— Ладно, — сказал я, вставая. — С чего мне начать? Встретиться с Фалесом? С Анаксимандром?

— С обоими, — Цицерон тоже встал. — Но по отдельности. Сначала с одним, потом с другим. Выслушай их. Пойми их аргументы. А потом... — он задумался. — А потом

попробуй придумать что-то, до чего они не додумались за полторы тысячи лет.

— Звучит как план, — я вздохнул. — Только вот, если они не додумались за полторы тысячи лет, что нового могу придумать я?

— Ты не философ, — повторил Цицерон. — Это твой главный козырь. Философы мыслят сложно. А ты мыслишь просто. Иногда простота — это то, что нужно, чтобы разрубить гордиев узел.

— Или чтобы меня выгнали из Лимба.

— Или так, — согласился он. — Но ты подписал форму № 12-м. Испытательный срок уже начался. Так что иди и медиатируй. А я пока готовлю запрос на дополнительное финансирование, если ты вдруг преуспеешь, нам понадобятся ресурсы на организацию праздника.

— Праздника?

— Ну, если философы помирятся, это нужно будет отметить. Торжественная церемония, банкет, речи. Я уже две тысячи лет мечтаю провести в Лимбе нормальное мероприятие.

Я кивнул и направился к двери. Вергилий пошёл за мной.

— И ещё, Данте, — окликнул меня Цицерон, когда я уже взялся за ручку. — Будь осторожен с Фалесом. Он любит обрызгивать собеседников водой. Говорит, это помогает прояснить мысли.

— А на самом деле?

— На самом деле ему просто нравится обрызгивать людей водой. Он мокрый не только в философском смысле.

Мы вышли в коридор. Вергилий молча шагал рядом, и я чувствовал, что он хочет что-то сказать.

— Что? — спросил я.

— Ничего. Просто думаю.

— О чём?

— О том, что тебе предстоит сделать невозможное. Помирить философов, которые воюют полторы тысячи лет. Это всё равно что помирить кошек с собаками. Или демонов с ангелами. Или...

— Я понял.

— Но, — он поднял палец, — если у тебя получится... ты войдёшь в историю Лимба.

— Я уже вошёл в историю, — я криво усмехнулся. — Я умер от микроволновки. Что может быть более историческим?

Вергилий хмыкнул и больше ничего не сказал. Мы вышли на площадь, где Диоген уже заканчивал свою утреннюю лекцию для группы зевак, и направились в сторону коттеджей, где жили лидеры враждующих партий.

Впереди меня ждал Фалес Милетский — человек, который считал, что мир состоит из воды. И я, Дмитрий Дантес, а ныне просто Данте, должен был убедить его, что он ошибается. Или что прав. Или что ошибка и правота — это одно и то же.

Честно говоря, я и сам запутался.

Дорога к коттеджу Фалеса пролежала через восточную часть Лимба, которую «мокрые» считали своей территорией. Здесь всё было пропитано водой, в прямом и переносном смысле. Воздух стал влажным, как в бане, стоило нам только пересечь невидимую границу. На деревьях висели таблички: «Вода — это жизнь», «Сухость — это смерть», «Увлажняйся!». Фонтанчики, расставленные вдоль аллеи через каждые десять метров, разбрызгивали мелкую водяную пыль, которая оседала на одежде, коже и, кажется, даже на мыслях.

Я шёл, стараясь не дышать слишком глубоко, в этом влажном мареве дышалось тяжело, словно в тропических джунглях. Вергилий, напротив, шагал бодро и даже не морщился, когда очередной фонтанчик окатывал его с ног до головы.

— Ты привыкнешь, — сказал он, заметив мой кислый вид. — К влажности привыкаешь быстрее, чем к сухости. По крайней мере, здесь не трескается кожа.

— У меня нет кожи, — напомнил я. — Я мёртв.

— Вот видишь! — он поднял палец. — Уже плюс. Представь, каково живым людям во влажном климате. А у тебя идеальные условия.

— Идеальные условия, — пробормотал я, перешагивая через лужу, которая разлилась прямо посреди аллеи. — В Аду. Идеальные условия. Звучит!

Мы свернули на боковую дорожку, обсаженную какими-то водолюбивыми растениями, которые выглядели как помесь папоротника и осоки. Дорожка привела нас к небольшому коттеджу, стоящему особняком.

Коттедж Фалеса выглядел так, будто его построили прямо в озере, а потом озеро частично осушили, но не до конца. Стены были покрыты зелёным мхом, с крыши капала вода, а из-под входной двери вытекал тоненький ручеёк. Рядом с крыльцом стояла табличка: «Фалес Милетский. Лидер партии "мокрых". Приём: всегда, кроме тех случаев, когда я смотрю на звёзды. Если я упал в колодец, не беспокоить, сам выберусь».

— Он что, правда падает в колодцы? — спросил я, кивнув на табличку.

— При жизни падал регулярно, — подтвердил Вергилий. — Однажды упал, пока изучал созвездия, служанка вытащила. С тех пор над ним смеялись, что он видит небесное, а не видит земного. Но он не обижался. Говорил, что это плата за знание.

— А здесь? Здесь же нет колодцев.

— Здесь он падает просто в лужи. Или спотыкается о порог. Или поскальзывается на мокром полу. Постоянно. Это уже не философия, это диагноз.

Я хмыкнул и постучал в дверь. Звук получился глухим, каким-то булькающим, дерево насквозь пропиталось влагой.

— Войдите! — раздался изнутри голос. Он был высоким,

немного дребезжащим и каким-то... мокрым, что ли. Как будто говорили сквозь воду. — Дверь открыта! Только осторожно, у меня тут немного сыро!

Я переглянулся с Вергилием. Тот пожал плечами и толкнул дверь.

Внутри коттедж Фалеса представлял собой... бассейн. Нет, не так. Это была самая странная гостиная, которую я когда-либо видел. Пол был залит водой примерно на полметра. В воде плавали подушки, свитки в водонепроницаемых тубусах, несколько книг (судя по разбухшим страницам, безнадёжно испорченных) и одинокая сандалия. Мебель, стулья, стол, лежанка, возвышалась на кирпичах и деревянных подставках, как островки посреди этого рукотворного болота. На стенах висели картины с морскими пейзажами, а с потолка свисали какие-то странные приспособления, которые, как я позже понял, были системой орошения.

Посреди всего этого великолепия, по колено в воде, стоял человек.

Фалес Милетский оказался невысоким, сухощавым мужчиной с седой бородой и совершенно безумными глазами. Глаза были голубыми, как вода в горном озере, и светились фанатичным огнём. Одет он был в хитон, который когда-то, возможно, был белым, а теперь приобрёл цвет тины. В одной руке он держал кувшин с водой, в другой — глиняную чашку. Вода капала с его бороды, волос, одежды, он был мокрым настолько, будто только что вылез из душа и забыл вытереть-

ся.

— А, Вергилий! — воскликнул он, завидев нас. — И... — он прищурился, разглядывая меня, — ты, должно быть, новичок, о котором все говорят! Данте!

— Новости расходятся быстро, — заметил я.

— В Лимбе, да! — он радостно кивнул и шлёпнул ладонью по воде, подняв фонтан брызг. — Вода передаёт информацию! Это же первоначало всего! Влага связывает все элементы мироздания! Когда ты в воде, ты часть единого целого!

— Я не в воде, — заметил я, глядя на свои ещё сухие ноги. — Я на пороге.

— Это временно! — он поманил нас рукой. — Заходите! Не бойтесь влаги! Она очищает мысли и проясняет душу!

Я неохотно шагнул в воду. Она оказалась тёплой, примерно температуры тела. Это было даже приятно, если не думать о том, что я стою в гостинной сумасшедшего философа, который затопил собственный дом.

Вергилий вошёл следом, даже не поморщившись. Видимо, он бывал здесь не раз.

— Присаживайтесь! — Фалес указал на два стула, возвышавшихся над водой на кирпичах. — Осторожно, левый стул немного шатается. Я его вчера уронил, когда смотрел на звёзды.

— Здесь есть звёзды? — я с сомнением посмотрел на потолок, с которого капала вода.

— Звёзды есть везде, — Фалес назидательно поднял палец. — Даже в Аду. Нужно только уметь их видеть. Но для этого нужна влага. Влага обостряет зрение. Сухость, напротив, делает глаза тусклыми и неспособными воспринимать свет.

Я сел на левый, шатающийся стул. Стул угрожающе качнулся, но устоял. Вергилий сел на правый и скрестил руки на груди, всем своим видом показывая, что он здесь просто сопровождающий.

— Итак, — Фалес поставил кувшин на стол и уставился на меня своими голубыми глазами. — Ты пришёл говорить о бассейне. Я прав?

— Правы, — признал я. — Цицерон назначил меня медиатором...

— Медиатор! — Фалес всплеснул руками, и на меня полетели брызги. — Это прекрасно! Наконец-то кто-то из администрации решил вмешаться! А то Цицерон только бумажки перекладывает, а проблема тем временем усугубляется!

Он наклонился вперёд и заговорщически понизил голос: — Ты даже не представляешь, насколько она усугубилась. Вчера Анаксимандр прислал мне официальное письмо. Официальное! В котором он утверждает, что вода — это «вторичная субстанция»! Ты слышал такое?! Вторичная! Вода! Которая есть первоначало всего!

Он вскочил, насколько можно вскочить, стоя по колено в воде, и начал расхаживать по комнате, поднимая волны.

— Я ему ответил. Разумеется, ответил. Я написал, что его апейрон — это просто сухая абстракция, которая не имеет никакого отношения к реальности. Что реальность, вот! — он хлопнул ладонью по воде. — Влага! Текучая, живая и настоящая! А он мне — «вторичная субстанция»!

— Можно вопрос? — вставил я, пока он не ушёл в очередной виток негодования.

— Конечно! — он резко остановился и повернулся ко мне. — Задавай! Вопросы — это прояснение! А прояснение — это путь к истине!

— Почему для вас так важен бассейн? Я имею в виду, не абстрактно, а конкретно. Почему нельзя просто...

— Просто что? — он подался вперёд, и его глаза сузились.

— Просто договориться? Ну, сделать половину бассейна мокрой, половину сухой? Или чередовать? День воды — день песка?

Фалес уставился на меня так, будто я предложил поджечь библиотеку. Потом он расхохотался. Смех у него был странный, булькающий, как вода в трубопроводе.

— Половину мокрой, половину сухой! — он хлопнул себя по коленям, и брызги полетели во все стороны. — Это невозможно! Невозможно, понимаешь? Бассейн — это не просто яма с водой. Бассейн — это символ. Символ первоначала! Если мы признаем, что он может быть и сухим, и мокрым, мы признаем, что первоначало может быть и водой, и апейроном! А это абсурд! Первоначало одно! Либо вода, либо

апейрон! Tertium non datur!

— Третьего не дано, — перевёл Вергилий, заметив мой недоуменный взгляд. — Это латынь. Он иногда переходит на латынь, когда волнуется.

— Я не волнуюсь! — Фалес снова хлопнул по воде. — Я просто... страстно отношусь к истине!

— Хорошо, — я поднял руки, показывая, что сдаюсь. — Давайте по-другому. Что должно произойти, чтобы вы согласились на переговоры с «сухими»?

Фалес задумался. Он перестал ходить и замер, глядя в потолок, с которого капала вода. Капли падали ему на лицо, но он, казалось, этого не замечал.

— Они должны признать приоритет воды, — сказал он наконец. — Не обязательно признавать воду первоначалом, я понимаю, что это сложно для их сухих умов. Но они должны признать, что вода — это первичный элемент, из которого происходит всё остальное. В том числе и их драгоценный апейрон.

— А если они не согласятся?

— Тогда переговоры бессмысленны, — он развёл руками. — Без признания приоритета воды нет основы для диалога. Это как строить дом без фундамента. Вода — это фундамент. Апейрон — это... это даже не песок. Песок хотя бы существует. А апейрон — это абстракция. Идея. Фикция.

Он снова заходил по комнате, и вода заплескалась о стены.

— Понимаешь, Данте, — он остановился прямо передо

мною, и я почувствовал, как от его мокрой одежды веет сыростью, — для меня это не просто спор. Это вопрос истины. Если я ошибаюсь, значит, вся моя жизнь, вся моя философия, всё, во что я верил, ошибка. А я не могу ошибаться. Я чувствую, что прав. Вот здесь, — он приложил мокрую ладонь к груди. — Сама моя душа, влажная. Ты знал, что душа влажная?

— Нет, — честно ответил я.

— А она влажная! — он торжествующе поднял палец. — Я это доказал ещё при жизни. Душа не может быть сухой, потому что сухость — это смерть. А душа живая. Значит, она влажная. Влага — это жизнь. Сухость — это смерть. Поэтому бассейн должен быть заполнен водой! Если он сух, Лимб мёртв!

Он замолчал, тяжело дыша. Капли воды стекали с его бороды и падали в общее море, разлившееся по полу. В наступившей тишине я слышал только плеск и капанье.

— И это всё? — спросил я. — Весь ваш спор, о том, мокрая душа или сухая?

— Не только, — Фалес немного успокоился. — Это лишь верхний уровень. На более глубоком уровне мы спорим о природе реальности. Если реальность влажная, значит, она текучая, изменчивая и живая. Если реальность сухая, значит, она статичная, неизменная и мёртвая. Это не просто спор о бассейне. Это спор о том, каким должен быть мир.

— Мир — и мокрый, и сухой одновременно, — заметил

я. — В мире есть и океаны, и пустыни.

— Но что появилось раньше? — Фалес хитро прищурился. — Океаны или пустыни? Жизнь зародилась в воде! Все организмы состоят из воды! Даже человек — это, по сути, вода с примесями. А пустыни — это места, откуда вода ушла. Значит, вода первична!

— Но если вода уходит, значит, есть что-то, что заставляет её уходить, — возразил я. — Может быть, это и есть тот самый апейрон?

Фалес замолчал. Он уставился на меня так, будто впервые увидел. Потом медленно, очень медленно, его губы расплылись в улыбке.

— Ты интересный собеседник, Данте, — сказал он. — Ты не философ, но задаёшь правильные вопросы. Это хорошо. Это очень хорошо.

Он налил воды из кувшина в чашку и протянул её мне.

— Выпей. Это проясняет мысли.

— Я не хочу пить, — отказался я.

— Это не для жажды. Это для ума, — он буквально всучил мне чашку. — Вода Лимба особенная. Она содержит частицы всех душ, которые когда-либо здесь были. Когда ты её пьёшь, ты приобщаешься к мудрости веков.

Я с сомнением посмотрел на чашку. Вода в ней была чистой, прозрачной, но что-то в ней вызывало у меня смутное беспокойство.

— Пей, — повторил Фалес. — Не бойся. Я пью её каждый

день уже две тысячи лет. И посмотри на меня, я в отличной форме!

Я посмотрел на него. Мокрый, взъерошенный, с безумными глазами, стоящий по колено в воде в собственной гостинной. Определение «отличная форма» явно отличалось у нас с ним.

Но я выпил. Вода оказалась прохладной, с лёгким металлическим привкусом. Никакого озарения не последовало, но голова действительно немного прояснилась. Или мне просто показалось.

— Ну вот, — Фалес удовлетворённо кивнул. — Теперь ты один из нас. Ненадолго, конечно, но всё же.

— Я не уверен, что хочу быть «одним из вас», — осторожно сказал я. — Я вообще-то нейтральный медиатор.

— Медиатор — это тот, кто стоит между, — он снова стал серьёзным. — Ты стоишь между мной и Анаксимандром. Это опасная позиция. Можно упасть в трещину.

— В трещину?

— В трещину раскола, — пояснил он. — Когда две стороны расходятся, между ними образуется пустота. Если ты стоишь ровно посередине, ты можешь провалиться. Поэтому тебе нужно выбрать сторону.

— Я не могу выбрать сторону. Я должен вас помирить.

— Помирить — значит, привести к согласию. А согласие возможно только на основе истины. Истина — это вода. Следовательно, помирить, значит, убедить «сухих» признать во-

ду. Если ты это сделаешь, я согласен на переговоры. Если нет, извини.

Я понял, что дальше спорить бесполезно. Фалес был фанатиком, добродушным, но фанатиком. Его невозможно было переубедить логикой, потому что его логика была замкнута сама на себя. Вода — первоначало. Первоначало — вода. Любой аргумент, противоречащий этому, ошибочный по определению.

— Хорошо, — я встал, и стул подо мной опасно качнулся.
— Я поговорю с Анаксимандром. Посмотрим, что скажет он.
— Он скажет, что апейрон сух, — Фалес махнул рукой.
— Он всегда это говорит. Он говорит это уже полторы тысячи лет. Но ты слушай не слова, а суть. Суть в том, что он ошибается. А я прав.

— Я запомню.

Он проводил нас до двери. Точнее, до того места, где пол переставал быть залитым водой, Фалес остановился на границе сухости и влажности, как на берегу моря. Дальше он не пошёл, видимо, сухая земля была для него чем-то вроде запретной территории.

— Заходи ещё! — крикнул он нам вслед. — У меня есть отличный трактат о влиянии лунных циклов на влажность души. Триста страниц! Я тебе дам почитать!

— Обязательно, — пообещал я без всякого намерения выполнять обещание.

Мы вышли на улицу. Вергилий, всё это время хранивший

молчание, наконец заговорил:

— Ну? Что скажешь?

— Скажу, что у меня голова болит, — я потёр виски. — И я мокрый до нитки. И я не понимаю, как можно полторы тысячи лет спорить о том, мокрая душа или сухая.

— Ты просто не философ, — Вергилий усмехнулся. — Для философа это самый важный вопрос в жизни. Важнее, чем еда, сон или даже истина. Потому что для философа истина — это и есть вода или апейрон.

— А ты сам что думаешь? — спросил я. — Ты же тоже философ. Или поэт. Или проводник. Кто ты вообще?

— Я — уставший человек, — Вергилий вздохнул. — Я устал от Ада, от философов, от бюрократии. Я просто хочу сделать свою работу и получить выходной. Но выходных в Аду не бывает. Поэтому я просто делаю свою работу.

— И что ты думаешь о споре «мокрых» и «сухих»?

— Я думаю, что они оба неправы, — он пожал плечами. — И оба правы. Но если я скажу это публично, они объединятся против меня. Так что я молчу.

Я посмотрел на свои мокрые штаны, на капли воды, всё ещё стекавшие с волос, на чавкающую обувь. Я чувствовал себя так, будто мои мозги пропитались водой и теперь отказывались работать.

— Что дальше? — спросил я. — К Анаксимандру?

— К Анаксимандру, — подтвердил Вергилий. — Но сначала, может, переоденешься? Ты выглядишь как утоплен-

ник.

— Я и есть утопленник. В некотором смысле.

— В некотором смысле мы все здесь утопленники, — он философски пожал плечами. — Только одни утонули в воде, а другие — в песке. А третьи — в бюрократии.

Мы направились обратно к корпусу № 2. Я шёл, оставляя за собой мокрые следы на плитах аллеи. Из бочки Диогена доносился приглушённый смех, видимо, он смотрел очередное видео про котов.

— Кстати, — сказал Вергилий, когда мы проходили мимо, — ты заметил, что Фалес ни разу не вышел из воды? Он даже на пороге остановился.

— Заметил. Почему?

— Потому что он боится сухости. У него фобия. Он не выходит из своего коттеджа уже лет триста. Говорит, что сухая земля причиняет ему боль.

— Фобия? У философа?

— У всех философов есть фобии, — Вергилий хмыкнул. — У Фалеса сухость. У Анаксимандра вода. У Сократа, по моему, фобия тишины, он не может молчать больше десяти секунд. У Платона фобия реальности, он предпочитает мир идей. Это нормально.

— И как мне помирить людей, которые боятся друг друга?

— Никак, — просто сказал Вергилий. — Тебе нужно не помирить их, а заставить работать вместе. А для этого не обязательно, чтобы они любили друг друга. Достаточно, что-

бы у них была общая цель.

— Общая цель, — повторил я задумчиво. — Например?

— Например, общий враг.

— У них есть общий враг?

— Пока нет, — Вергилий загадочно улыбнулся. — Но это можно устроить.

Я хотел расспросить подробнее, но мы уже подошли к корпусу. Вергилий остановился у двери.

— Отдыхай пока. Завтра пойдём к Анаксимандру. И приготовься: у него в доме всё засыпано песком. Много песка. Он считает, что песок — это материальное воплощение апейрона.

— Апейрон — это песок?

— Нет. Но Анаксимандру нравится так думать. У каждого философа свои странности. У Фалеса — вода. У Анаксимандра — песок. У Диогена — бочка.

Он развернулся и ушёл, оставив меня стоять у входа в корпус. Я посмотрел ему вслед, потом на свои мокрые ботинки, потом на небо, точнее, на потолок Лимба с одинокой тусклой лампой.

Где-то на востоке, в своём затопленном коттедже, Фалес, наверное, уже писал новый трактат о влажности души. Где-то на западе Анаксимандр, должно быть, пересыпал песок с места на место, размышляя об апейроне. А между ними стоял я, мокрый, уставший и пока ещё не представляющий, как заставить этих двоих хотя бы посмотреть друг на друга

без желания устроить философскую дуэль.

Но где-то глубоко внутри, там, где ещё не высохла вода Фалеса и куда ещё не пробрался песок Анаксимандра, у меня зарождалась идея. Смутная, неоформленная, но идея.

Общий враг.

Если у «мокрых» и «сухих» нет общего врага, может, его стоит создать?

Если восточная часть Лимба, принадлежавшая «мокрым», напоминала тропические джунгли, то западная, где обосновались «сухие», была форменной пустыней. Воздух здесь был настолько сухим, что вытягивал влагу даже из мыслей. Я чувствовал, как моя кожа, или что там заменяло мне кожу в этом бестелесном существовании, стягивается и трескается. Дышать было тяжело, каждый вдох приносил в лёгкие мелкую пыль, которая оседала где-то внутри и вызывала желание прокашляться.

Вергилий, впрочем, и здесь чувствовал себя превосходно. Он шагал по песчаной аллее с таким видом, будто прогуливался по парку, и даже не щурился, когда порывы горячего ветра бросали ему в лицо мелкий песок.

— Как ты это терпишь? — спросил я, пытаюсь прикрыть лицо рукавом жилетки.

— Привычка, — пожал плечами Вергилий. — Я в Аду две тысячи лет. После серных ям Шестого круга песчаная буря, это просто лёгкий сквозняк.

— Серные ямы? — я насторожился. — Мне туда тоже придётся идти?

— Если доберёшься до Шестого круга, да. Но это будет не скоро. Сначала разберись с этим бардаком, — он обвёл рукой пустынный пейзаж.

Бардака и правда хватало. Деревья здесь были какими-то сухими, скрюченными растениями, больше похожими на обглоданные временем коряги. На ветках висели таблички: «Сухость — это порядок», «Вода — это хаос», «Апейрон сух». Вдоль дорожки стояли не фонтаны, а большие песочные часы, из которых тонкой струйкой сыпался песок. Каждые несколько метров попадались странные сооружения, не то песочницы, не то миниатюрные пустыни в стеклянных ящиках.

— Это их искусство, — пояснил Вергилий, заметив мой взгляд. — «Сухие» считают, что красота, это порядок. А порядок лучше всего выражается через песок. Он сыпуч, но из него можно строить. Он хаотичен, но в массе, предсказуем. Это для них что-то вроде дзена.

— Дзен с песком?

— Ну да. Они сидят, смотрят, как песок пересыпается, и медитируют. Говорят, это помогает постичь апейрон.

— Апейрон, — повторил я с отвращением. Это слово уже начинало меня раздражать. — Кстати, что это вообще такое? Я так и не понял.

Вергилий задумался на несколько шагов. Потом сказал:

— Апейрон — это беспредельное. Нечто, у чего нет границ, нет формы и нет определения. Анаксимандр считал, что первоначало мира — это не вода, не огонь и не воздух, а вот эта самая беспредельная субстанция. Она всё порождает и всё поглощает. Она — причина всего. Но при этом она... никакая.

— Никакая?

— Ну, она не мокрая, не горячая, не холодная. Она просто есть. Как бесконечность. Как пустота. Как...

— Как песок?

— Нет, — Вергилий покачал головой. — Песок — это просто символ. Метафора. Апейрон — это более абстрактная штука. Но Анаксимандру нравится, когда его можно потрогать. Поэтому у него везде песок.

Мы подошли к коттеджу Анаксимандра. Он разительно отличался от жилища Фалеса. Если дом «мокрого» лидера был сырым, затопленным и пропитанным влагой, то коттедж «сухого» вождя выглядел так, будто его построили из песка и забыли полить. Стены были покрыты песчаником, окна затянуты какой-то плотной тканью, не пропускающей ни света, ни воздуха. Массивная входная дверь была каменной, с выбитой на ней надписью: «Ἀπειρον». Рядом висела табличка: «Анаксимандр. Лидер партии "сухих". Приём: строго по записи. Без предварительной заявки не входить. Влажные, вытирайте ноги. Очень тщательно».

— «Влажные, вытирайте ноги», — прочитал я вслух. —

Серьёзно?

— Серьёзнее некуда, — Вергилий уже взялся за дверной молоток в форме песочных часов. — Анаксимандр ненавидит влагу даже больше, чем Фалес ненавидит сухость. У него в доме стоит песчаный барьер. Если ты занесёшь хоть каплю воды, сработает сигнализация.

— Сигнализация от воды? В Аду?

— А ты думал. Он выбил её у Цицерона лет четыреста назад. С тех пор ни один «мокрый» не рискнул переступить его порог.

Он постучал. Звук получился глухим, каким-то шуршащим, будто молоток ударил не по камню, а по спрессованному песку.

Дверь приоткрылась, и в щели показалось лицо.

Это было лицо человека, который не улыбался уже очень, очень давно. Узкое, сухое, с высокими скулами и глубоко посаженными глазами. Кожа была сероватой, как песок в пасмурный день. Борода, жидкая и клочковатая, тоже какого-то песочного оттенка. Глаза, тёмные и подозрительные, бежали из стороны в сторону, сканируя посетителей на предмет скрытой влаги.

— Вергилий, — произнёс Анаксимандр скрипучим голосом, который напоминал звук пересыпаемого гравия. — Ты привёл новичка.

— Привёл, — согласился Вергилий. — Это Данте, он медиатор. Назначен Цицероном. Явился для переговоров.

— Медиатор, — Анаксимандр попробовал это слово на вкус, и было видно, что оно ему не нравится. — Это тот, который был у Фалеса?

— Был, — честно признался я. — Но это не значит...

— Ты был у Фалеса! — перебил он, и его голос стал ещё более скрипучим. — Ты стоял в его мокром доме! Ты дышал его влажным воздухом! Ты, возможно, даже пил его воду!

— Ну, я...

— Ты пропитан их пропагандой! — он отступил на шаг, и дверь начала закрываться. — Я не пускаю в дом пропитанных пропагандой! Это нарушение санитарных норм!

— Подождите! — я успел вставить ногу в щель, прежде чем дверь захлопнулась. — Я не пропитан! Я просто слушал! Я нейтрален!

— Нейтральных не бывает, — проскрипел Анаксимандр из-за двери. — Тот, кто не с нами, тот против нас. Тот, кто против нас, тот с ними. Тот, кто с ними, тот мокрый. А мокрым вход воспрещён.

— Это бред, — тихо сказал я Вергилию.

— Это Анаксимандр, — так же тихо ответил он. — Призывай.

Я сделал глубокий вдох, стараясь не вдыхать песок, и попытался ещё раз:

— Уважаемый Анаксимандр! Я пришёл не от Фалеса. Я пришёл от Цицерона. От администрации. У меня бейджик! — я потряс пластиковой карточкой на шнурке. — Я офици-

альный медиатор, хоть и с испытательным сроком. Если вы меня не впустите, это будет отмечено в отчёте.

Пауза. За дверью что-то зашуршало, кажется, Анаксимандр совещался сам с собой. Потом дверь снова приоткрылась, и в щели показался его глаз.

— Покажи бейджик ещё раз.

Я показал. Он долго долго изучал его, шевеля губами и перечитывая каждую строчку. Потом вздохнул, сухо, как песчаная буря, и открыл дверь.

— Ладно. Заходите. Но сначала, процедура осушения.

— Что?!

Процедура осушения оказалась унижительным ритуалом. Нас заставили встать в специальную кабинку у входа, что-то вроде сушильной камеры, где со всех сторон подули горячим воздухом. Песок, который и так уже был везде, теперь проник во все мыслимые и немыслимые места. Я чувствовал, как песчинки забиваются под одежду, в волосы, в уши, в нос. Вергилий терпел с видом человека, который прошёл через все круги Ада и уже ничему не удивляется.

— Достаточно, — наконец объявил Анаксимандр, и сушилка отключилась. — Теперь вы сухие. Можете войти.

Гостиная Анаксимандра была... песчаной. Не просто засыпанной песком, нет, она была сделана из песка. Пол покрывал толстый, в несколько сантиметров, слой мелкого жёлтого песка. Стены были отделаны песчаником, с которого постоянно осыпались мелкие крупинки. Потолок был заты-

нут какой-то тканью песочного цвета, и сквозь неё тоже просачивалась мелкая пыль. Вся мебель, стол, стулья и лежанка, была вырезана из цельных кусков песчаника и выглядела так, будто могла рассыпаться в любой момент. На полках стояли не книги, а глиняные таблички и стеклянные сосуды с разноцветным песком.

Сам хозяин сидел в центре комнаты, на массивном троне из песчаника, и смотрел на вошедших с таким выражением, будто ожидал, что мы вот-вот начнём сочиться водой.

— Садитесь, — он указал на два стула, стоящих перед троном. — Но сначала отряхнитесь ещё раз. Я вижу песок на вашей одежде.

— Это ваш песок, — заметил я. — Из вашей сушилки.

— Это сухой песок. Он чистый. А тот, что на вас, — он прищурился, — может быть влажным. Отряхивайтесь.

Я отряхнулся. Вергилий отряхнулся. Мы сели.

Стул был твёрдым, холодным и неудобным. Песчаник, чтоб его. Я чувствовал, как песок, забившийся в складки одежды, теперь пересыпается при каждом движении и набивается в самые неподходящие места.

— Итак, — начал Анаксимандр, складывая сухие ладони перед собой. — Ты пришёл от Фалеса. Не отрицай. Я чувствую влагу.

— Я не отрицаю, — сказал я, стараясь сохранять спокойствие. — Я был у Фалеса. Я слушал его аргументы. Теперь я здесь, чтобы выслушать ваши.

— Мои аргументы, — он медленно кивнул, — просты. Вода не может быть первоначалом, потому что вода уже есть нечто определённое. У неё есть свойства, она мокрая, текущая и прозрачная. Первоначало же должно быть неопределённым, беспредельным и лишённым всяких свойств. Ибо только из неопределённого может родиться определённое. Только из беспредельного — ограниченное. Апейрон — вот первоначало.

— И апейрон сух? — уточнил я.

— Апейрон не сух и не мокр, — он поднял палец. — Апейрон выше этих категорий. Он чистая потенция. Но в нашем, проявленном мире сухость ближе к апейрону, чем влажность. Потому что сухость — это отсутствие воды, а вода — это уже нечто конкретное. Следовательно, сухость — это шаг к апейрону.

— Логично, — признал я, хотя на самом деле моя голова уже шла кругом. — А бассейн? Почему бассейн должен быть засыпан песком?

— Потому что бассейн — это не просто яма с водой! — он повысил голос, и песок на стенах чуть заметно задрожал. — Бассейн — это символ первоначала! Если он мокрый, значит, первоначало мокрое. Если он сухой, значит, первоначало сухое. *Tertium non datur!*

— Третьего не дано, — машинально перевёл я, вспоминая такую же фразу Фалеса.

— Именно! — Анаксимандр стукнул кулаком по подло-

котнику трона, и с него посыпался песок. — Третьего не дано! Либо вода, либо песок! Либо Фалес, либо я! Либо мокрые, либо сухие! Никаких компромиссов!

— Но компромисс — это и есть решение, — осторожно заметил я. — Если вы оба признаете, что правы в чём-то...

— В чём?! — он вскочил с трона, и песок под его ногами закрипел. — В чём прав Фалес?! В том, что всё состоит из воды?! Но это же абсурд! Посмотри вокруг! — он обвёл рукой комнату. — Это песок! Он сух! Если бы всё состояло из воды, песка бы не было!

— Но песок — это же перемолотые камни и ракушки, — возразил я. — А ракушки живут в воде. Так что песок — это бывшая вода. В каком-то смысле.

Анаксимандр замер. На его лице отразилась сложная гамма чувств, удивление, негодование, подозрение и снова удивление. Потом его глаза сузились, и он медленно произнёс:

— Ты пытаешься меня запутать. Это сократовский метод. Ты учился у Сократа?

— Я знаком с Сократом ровно пять минут, — честно ответил я. — И большую часть этого времени пытался уйти.

— Ага! — он поднял палец. — Значит, ты всё-таки знаком! Ты пропитан не только Фалесом, но и Сократом! Ты тройной агент!

— Я не агент! — я уже начинал терять терпение. — Я просто хочу понять, как вас помирить!

— Помирить? — Анаксимандр горько усмехнулся. — Нас

нельзя помирить. Можно только признать, что одна сторона права, а другая нет. И поскольку правы мы, «сухие», — он выпрямился, — условия переговоров таковы: бассейн засыпается песком. Полностью и без всякой воды. И «мокрые» публично признают, что апейрон сух.

— А если они не согласятся?

— Тогда переговоров не будет.

Я почувствовал, что у меня зачесалось в ухе. Видимо, туда попал песок во время процедуры осушения. Я попытался незаметно почесать, но движение не укрылось от цепкого взгляда Анаксимандра.

— Ты чешешься! — воскликнул он, указывая на меня пальцем. — Ты чешешься!

— Ну, песок попал...

— Песок! — он вскочил с трона. — Песок не вызывает зуда. Зуд — это стремление к влаге! Это рефлекс мокрых! Ты хочешь влаги! Ты шпион!

— Я просто хочу почесать ухо!

— Ухо! — он подбежал ко мне и начал осматривать моё ухо с такой тщательностью, будто искал там скрытый водопровод. — Ухо — это орган слуха! Слух нужен, чтобы слышать пропаганду! Ты слушал Фалеса ушами! Следовательно, уши у тебя мокрые!

— У меня нормальные уши! — я вскочил, опрокинув стул, и песок полетел во все стороны. — И я не шпион! Я просто пытаюсь вам помочь!

— Помочь?! — он отшатнулся. — Помочь — значит, признать, что нам нужна помощь. А нам не нужна помощь! Мы правы! А правым помощь не нужна!

— Успокойся, Анаксимандр, — вмешался Вергилий, который всё это время сидел молча, с видом человека, наблюдающего за дракой в баре и прикидывающего, когда пора вызывать полицию. — Он не шпион. Он просто грязный. У него песок везде. Это нормально после твоей сушилки.

— Грязный! — Анаксимандр ухватился за это слово. — Грязный — это смесь сухого и мокрого! Грязь — это влажный песок! Он влажный! У него влажный песок!

— У меня нет влажного песка! — заорал я. — У меня просто песок! Обычный! Сухой!

— Сухой?! — он резко успокоился. — Ты признаёшь, что песок сухой?

— Да, песок сухой! Я это признаю!

— И апейрон сух?

— Да, апейрон сух! — я уже готов был признать что угодно, лишь бы он отстал. — Пусть апейрон будет сухим! Я не против!

Анаксимандр замер. На его лице медленно проступило выражение, близкое к удовлетворению.

— Ты признал, что апейрон сух, — произнёс он. — При свидетелях.

— Да, — выдохнул я. — Признал. Апейрон сух. Вода вторична, песок первичен. Да здравствуют «сухие». Теперь вы

согласны на переговоры?

Он задумался. Прошёлся по песчаной комнате, заложив руки за спину и оставляя за собой цепочку следов. Потом остановился и резко обернулся.

— Согласен. Но с условиями.

— Какими?

— Во-первых, переговоры пройдут на нейтральной территории. Ни в коем случае не в моём доме и не в доме Фалеса. Во-вторых, бассейн будет засыпан песком. Не частично, а полностью. В-третьих, «мокрые» признают, что апейрон сух. И в-четвёртых, — он выдержал драматическую паузу, — Фалес уйдёт в отставку. Навсегда.

— Фалес, в отставку? — переспросил я.

— Он мой бывший учитель, — Анаксимандр скривился. — И он позорит звание философа. Пусть уйдёт. Тогда, возможно, я соглашусь с ним разговаривать.

Я переглянулся с Вергилием. Тот едва заметно покачал головой, мол, это безнадёжно.

— Я передам ваши условия, — сказал я. — Но ничего не обещаю.

— Конечно, передай, — Анаксимандр снова уселся на трон. — И передай также, что если он не согласится, я построю стену. Через весь Лимб. И «мокрые» больше никогда не увидят бассейна. Даже сухого.

— Вы можете построить стену из песка?

— У меня есть две тысячи лет практики, — он усмехнул-

ся. — И много песка.

Мы вышли из коттеджа Анаксимандра. Точнее, вывалились. Я прислонился к горячей, шершавой стене, и попытался отдышаться. Песок был везде. В волосах, в ушах, за шиворотом, в карманах, даже в мыслях. Я чувствовал себя так, будто меня прокрутили в бетономешалке с песком.

— Ну? — спросил Вергилий. — Что думаешь?

— Я думаю, что они оба сумасшедшие. Фалес хочет затопить Лимб. Анаксимандр хочет засыпать его песком и построить стену. Один боится сухости, второй — воды. Они не просто философы, они пациенты.

— Я тебе говорил.

— И как мне их помирить? Анаксимандр требует, чтобы Фалес ушёл в отставку. Фалес требует, чтобы Анаксимандр признал приоритет воды. Они никогда не договорятся.

— Никогда, — согласился Вергилий. — Именно поэтому Цицерон и назначил тебя медиатором. Если бы они могли договориться сами, ты бы здесь не стоял.

Я вытряхнул песок из волос. Бесполезно, на место вытряхнутого тут же набивался новый.

— Слушай, Вергилий, — сказал я. — Ты говорил про общего врага.

— Говорил.

— Мне нужен общий враг. Очень нужен. Прямо сейчас.

— Будет тебе общий враг, — он загадочно улыбнулся. — Потерпи немного. Сначала к Цицерону. Надо доложить об-

становку. А потом... потом у меня есть одна идея.

— Какая?

— Потом, — он отмахнулся. — Сначала отчёт. Ты же помнишь? Еженедельный отчёт. По средам. В трёх экземплярах.

Я застонал.

— В Аду нет спасения от бюрократии?

— В Аду бюрократия — это и есть спасение, — ответил Вергилий. — Без неё здесь был бы хаос. А так, хотя бы предсказуемый бардак.

Мы пошли обратно к центру Лимба. Я шёл, чувствуя, как песок пересыпается в ботинках при каждом шаге, и думал о том, что Фалес и Анаксимандр, при всей своей несовместимости, были очень похожи. Оба фанатики. Оба уверены в своей правоте. Оба не готовы уступить ни на миллиметр.

И оба — ключ к Печати Лимба.

Из бочки Диогена, мимо которой мы проходили, донёсся громкий смех. Старый киник, кажется, смотрел что-то совсем уж смешное.

— Эй, Данте! — крикнул он, высовываясь наружу. — Ты выглядишь как пляж после шторма! Весь в песке и какой-то мокрый! У тебя всё в порядке?

— В полном, — мрачно ответил я. — Просто идеально.

— Ну-ну, — он хитро прищурился. — Если нужен совет, ты знаешь, где меня найти. Совет у меня один, но зато какой: не парься. Всё равно все умрут. Хотя ты уже умер. Ну, тогда не парься вдвойне.

И он снова нырнул в бочку, откуда тут же донеслось характерное «мяу», видимо, на видео был всё-таки кот.

Я посмотрел на Вергилия.

— У меня есть план, — сказал я.

— План? — он приподнял бровь. — Уже? После двух встреч?

— Да. Но он безумный.

— Безумные планы — мои любимые, — он усмехнулся.
— Рассказывай.

— Не сейчас. Сначала, к Цицерону.

— Уважаю, — он кивнул. — Приоритеты.

И мы пошли дальше, два уставших человека (ну, две уставших души) в мире, где философы воевали из-за бассейна, где бюрократия была возведена в абсолют, и где Печать, от которой зависело всё, медленно угасала.

Но где-то там, в глубине моего сознания, уже зарождалась идея. Идея, которая должна была либо спасти Лимб, либо окончательно его добить.

Но об этом позже. Сначала отчёт, в трёх экземплярах.

Как говорил Цицерон: бюрократия — это основа порядка. А порядок, как ни крути, лучше хаоса.

Хотя в Лимбе разница между ними была, честно говоря, не очень заметна.

Вечер в Лимбе наступал незаметно. Лампы под потолком, имитирующие небо, постепенно гасли, переходя от яркого

дневного света к тусклому янтарному сиянию, которое заливало аллеи мягким, почти уютным светом. Кипарисы отбрасывали длинные тени, фонтан журчал тише обычного, а философы, уставшие от дневных споров, расходились по своим корпусам.

Я сидел на скамейке в Аллее Размышлений, где вчера меня едва не захватил в плен Сократ, и смотрел в никуда. Точнее, смотрел я на бочку Диогена, которая темнела на фоне административного здания, но мысли мои были далеко. Вернее, они были здесь, в Лимбе, но настолько запутанные, что проще было бы считать их отсутствующими.

Прошедший день не принёс ничего, кроме разочарования.

Фалес хотел затопить бассейн. Анаксимандр хотел засыпать его песком. Оба требовали от противной стороны полной капитуляции. Оба грозили страшными карами в случае отказа. Оба были абсолютно, непробиваемо, космически упёрты. И я, Дмитрий Дантес, ныне медиатор с испытательным сроком, должен был каким-то чудом привести их к согласию. К согласию, которого они не могли достичь полторы тысячи лет.

— Полторы тысячи лет, — пробормотал я вслух. — Полторы тысячи лет они спорят о том, мокрый мир или сухой. И я должен их помирить за тридцать дней.

— Ты с кем разговариваешь? — раздался голос из бочки. Я вздрогнул. Диоген, оказывается, не спал. Он сидел в

своей бочке и, судя по звукам, что-то жевал.

— Сам с собой, — ответил я. — Это нормально?

— В Лимбе, да, — он высунулся наружу, и в янтарном свете ламп его лицо показалось мне дружелюбным. — Большинство философов разговаривают сами с собой. Некоторые даже отвечают. А некоторые спорят и проигрывают. Ты на какой стадии?

— На стадии отчаяния.

— О! — он оживился. — Отчаяние — это хорошая стадия. После отчаяния приходит либо просветление, либо безумие. И то и другое полезно. Особенно здесь.

Он выбрался из бочки полностью, впервые за всё время нашего знакомства. Оказалось, что он невысок, но жилист, а его босые ноги были покрыты таким толстым слоем загара (или грязи), что напоминали старую кожаную обувь. В руке он держал глиняную кружку, из которой пахло чем-то определённо алкогольным.

— Держи, — он протянул кружку мне. — Это не амброзия Эпикура, но тоже неплохо. Местное вино. Делают из винограда, который растёт на могилах грешников в Третьем круге. Говорят, оно имеет привкус раскаяния. По-моему, просто кислятина, но помогает.

Я взял кружку и сделал глоток. Вино действительно оказалось кислым, с каким-то странным послевкусием, не то горечи, не то сожаления. Но оно было тёплым и настоящим, первая по-настоящему вкусная вещь в Лимбе, не считая той

загадочной не-проклятой овсянки, которую Вергилий так и не попробовал.

— Спасибо, — сказал я. — Неплохо.

— Пей, — он великодушно махнул рукой. — У меня ещё есть. Целая бочка.

Я сделал ещё глоток и почувствовал, как напряжение дня начинает понемногу отпускать.

— Хочешь рассказать? — спросил Диоген, усаживаясь рядом на скамейку. — Или предпочитаешь молча страдать? Второе я уважаю больше, сам так делаю. Но иногда полезно выговориться.

— Да что рассказывать, — я пожал плечами. — Я был у Фалеса. Он хочет воды. Много воды. Он считает, что душа влажная, а бассейн должен быть заполнен до краёв. Я был у Анаксимандра. Он хочет песка. Много песка. Он считает, что апейрон сух, а бассейн должен быть засыпан для пляжного волейбола. Оба требуют, чтобы противная сторона признала своё поражение и ушла в отставку. Оба угрожают стенами, бойкотами и прочими карами. Оба не готовы уступать ни на миллиметр.

— Классика, — Диоген кивнул. — Я это наблюдаю уже полторы тысячи лет. Когда Раскол только начался, я думал, ну, поспорят лет сто и успокоятся. Потом, ну, лет триста, не больше. К тысячелетию Раскола я понял, что они не успокоятся никогда. Знаешь почему?

— Почему?

— Потому что им нравится, — он хитро прищурился. — Им нравится спорить. Им нравится враждовать. Им нравится чувствовать себя правыми, а других неправыми. Это даёт им смысл существования. Если они помирятся, что они будут делать? Сидеть и смотреть на бассейн? Скучно. А так, у них есть война. Пусть и холодная, пусть и бессмысленная, но война. Это весело.

— Но они же страдают, — возразил я. — Фалес боится выходить из воды. Анаксимандр не выносит даже слова «влажный». Они же несчастны.

— Несчастны? — Диоген расхохотался. — Да они счастливейшие люди в Лимбе! У них есть цель! У них есть враг! У них есть драма! Что ещё нужно для счастья? Покой? Покой — это скука. А скука — это самая страшная пытка в Лимбе. Хуже, чем проклятая овсянка. Хуже, чем Сократ. Хуже, чем всё.

Он отхлебнул из кружки и добавил:

— Ты хочешь их помирить? Не мири. Это бессмысленно.

— Но Печать...

— Печать! — он фыркнул. — Печать — это просто артефакт. Магическая штукавина, которая светится, когда души в согласии. Но согласие — это не обязательно мир. Согласие — это когда все хотят одного и того же. Если они все хотят войны, они в согласии. Если они все хотят спорить, они в согласии. Проблема в том, что они хотят разного: одни воды, другие песка. Вот Печать и не работает.

— И что делать?

— Заставь их хотеть одного и того же, — просто сказал Диоген. — Не мири. Просто дай им общую цель.

— Какую? — я вспомнил слова Вергилия об общем враге. — Общего врага?

— Врага? — он задумался. — Можно и врага. Но это сложно. Врага надо найти такого, чтобы он был опасен и для «мокрых», и для «сухих». А кто опасен для тех, кто спорит о воде и песке? Только тот, кто отнимет и воду, и песок. Но кому это нужно?

Я молчал, переваривая услышанное. Общий враг, это был вариант, но действительно сложный. Где взять врага, который угрожал бы и бассейну, и песку?

— А что насчёт общей цели? — спросил я. — Не врага, а цели?

— Цель, — Диоген одобрительно кивнул. — Цель — это лучше. Цель объединяет. Но цель должна быть такой, чтобы обе стороны хотели её достичь. И чтобы для её достижения им пришлось работать вместе. Что может заставить Фалеса и Анаксимандра работать вместе?

— Ничего, — мрачно сказал я.

— А ты подумай, — он постучал пальцем по лбу. — Думай не как философ. Философы мыслят сложно. Думай как... ну, не знаю, как сборщик мебели. У тебя есть две детали, которые не подходят друг к другу. Что ты делаешь?

— Ищу третью деталь, которая их соединит.

— Вот! — он поднял палец. — Третья деталь. Что может быть третьей деталью между водой и песком?

Я задумался. Вода и песок. Что у них общего? Они оба — часть пляжа. Пляж — это вода и песок вместе. Но пляжный волейбол — это идея «сухих», и «мокрые» на это не согласятся. Что ещё?

— Спорт, — вдруг сказал я.

— Что? — Диоген прищурился.

— Спорт. Соревнования. Если они не могут договориться словами, может, пусть договорятся делами? Устроить состязания. Пусть победит сильнейший.

Диоген молчал несколько секунд. Потом его лицо медленно расплылось в улыбке, широкой, почти как у Сократа, но гораздо более ехидной.

— Состязания, — повторил он. — Игры. В Лимбе. Для философов. Это... это гениально.

— Правда?

— Абсолютно! — он хлопнул себя по колену. — Ты знаешь, кто я?

— Диоген Синопский. Философ-киник. Живёте в бочке.

— Именно! Но ты не знаешь, чем я занимался последние пятьсот лет. Я смотрел Олимпийские игры. Все. Летние, зимние, античные и современные. Я смотрел чемпионаты мира по футболу, по бегу, по метанию копья. Я смотрел даже соревнования по спортивной ходьбе, а это, поверь мне, самое скучное зрелище во Вселенной. Я эксперт в спорте. Я

знаю о спорте всё!

— И?

— И я тебе говорю: это сработает. Философы, — он понизил голос, — обожают мериться. Они спорят словами, но на самом деле им хочется доказать своё превосходство делом. Если ты дашь им возможность доказать, что «мокрые» быстрее, сильнее, умнее, чем «сухие», или наоборот, они забудут про бассейн. Потому что бассейн — это абстракция. А победа в состязании — это конкретно. Это слава. Это почёт. Это возможность сказать: «Мы вас сделали!»

— И победитель получит право решить судьбу бассейна?

— Нет! — Диоген даже вскочил со скамейки. — В том-то и фокус! Победитель не получает ничего! Вернее, получает символический приз — лавровый венок, например. Но суть не в призе. Суть в том, что пока они соревнуются, они не воюют. А когда Игры закончатся... ну, может, они так устанут, что им будет уже всё равно, мокрый бассейн или сухой. Или, может, они поймут, что вместе им веселее, чем порознь.

— Или они начнут новую войну из-за результатов Игр.

— Не начнут, — Диоген хитро подмигнул. — Потому что Игры можно проводить каждый год. Или каждый месяц. Или каждую неделю. У нас вечность, Данте. Времени много. Если им понравится, а им понравится, они забудут про Раскол.

Я сидел, ошеломлённый простотой этой идеи. Соревнования. Просто Игры, в которых каждая сторона сможет доказать своё превосходство не словами, а делом. И пока они бу-

дут соревноваться, они не будут воевать.

— Это безумно, — сказал я.

— Безумно, — согласился Диоген.

— Но может сработать.

— Может, — он кивнул. — А может и не сработать. Но это лучше, чем сидеть и ждать, пока Печать погаснет.

Я сделал ещё глоток из кружки. Вино уже не казалось таким кислым, может, я просто привык, а может, идея Игр сделала его вкуснее.

— Какие виды спорта? — спросил я.

— О! — Диоген просиял. — Вот тут начинается самое интересное! Обычные виды спорта, бег, метание и борьба, это скучно. Философам нужно что-то особенное. Что-то, что проверит не только мышцы, но и мозги. Что-то, что заставит их страдать. В хорошем смысле.

Он начал загибать пальцы:

— Бег с Сократом. Участники бегут дистанцию, а Сократ стоит на дорожке и задаёт им вопросы. Чтобы пройти дальше, нужно ответить. Или признать, что не знаешь ответа. Если не можешь ни того, ни другого — возвращаешься на старт. Это будет жестоко. Я хочу это видеть.

— Бег с Сократом, — повторил я, и в моей голове сама собой возникла картинка. Запыхавшиеся философы, пытающиеся сформулировать определение справедливости на бегу. — Звучит как пытка.

— Это и есть пытка! — Диоген радостно кивнул. — Но ве-

сёлая. Дальше, метание молний в чучело Зевса. Это, конечно, не настоящие молнии, но у Эпикура есть несколько магических артефактов. Он их использует для своих подпольных вечеринок, но на время Игр можно позаимствовать. Участники метают магические разряды в чучело Зевса. Кто попадёт в голову — получает очки. Кто промажет — штраф. Кто случайно подожжёт чучело — дисквалификация, но зато всеобщее уважение.

— Чучело Зевса? — я усмехнулся. — А почему Зевса?

— Потому что Зевс — символ тирании, — Диоген пожал плечами. — Философы не любят тиранов. И «мокрые», и «сухие». Это их объединит. Ну, или Зевс обидится и пришлёт молнию, тогда Игры станут ещё интереснее!

— А Зевс может прислать молнию? Он вообще существует?

— В Аду все существуют, — Диоген загадочно улыбнулся. — Но Зевс, насколько я знаю, сейчас в отпуске. Где-то на Олимпе. У него там санаторий. Не думаю, что он обратит внимание на пару магических разрядов.

Я кивнул и мысленно добавил «метание молний» в список.

— Ещё, — продолжил Диоген. — Спор на тупость. Два участника садятся напротив друг друга и начинают спорить. Тема может быть любой — «что есть истина», «существует ли движение», «почему овсянка всегда недоваренная». Побеждает тот, кто доведёт противника до слёз, до крика или

до признания, что он ничего не знает. Судьи оценивают аргументацию, креативность и уровень отчаяния оппонента.

— Это же просто философский диспут.

— Нет, это спорт! — Диоген поднял палец. — В диспуте цель — найти истину. А в споре на тупость цель — размазать противника. Разница принципиальная.

— Сократ будет чемпионом.

— Сократ — вне конкурса, — отрезал Диоген. — Иначе он выиграет всё, и будет неинтересно. Сократ будет судьёй. Или комментатором. Или просто ходячей опасностью на трассе. Ему нельзя давать соревноваться, он слишком хорош.

Я записывал всё в уме, и постепенно мрачное настроение вечера сменялось азартом. Идея Игр, безумная и абсурдная, начинала обрастать деталями. Виды спорта, правила, участники, всё это складывалось в картину, которая была настолько нелепой, что просто обязана была сработать.

— Метание свитков на дальность, — предложил я. — Кто дальше кинет трактат Аристотеля.

— Отлично! — Диоген хлопнул в ладоши. — Но трактаты должны быть настоящие. Аристотель, конечно, обидится, но это даже к лучшему. Обиженный Аристотель — это зрелище.

— Полоса препятствий с вопросами Платона.

— Да! «Что есть идея стула?» — а в это время участник перепрыгивает через настоящий стул! Гениально!

— Философская дуэль. Двое участников садятся в бочки и пытаются переспорить друг друга, не вылезая наружу.

— Это плагиат! — Диоген ткнул в меня пальцем, но глаза его смеялись. — Но я разрешаю. Бочки — это моё, но для Игр я готов поделиться.

Мы оба расхохотались. Смех разнёсся по пустой аллее и отразился от колонн. Где-то вдалеке, в корпусе № 2 проснулся Сенека и начал ворчать. Где-то в административном здании Цицерон поднял голову от бумаг и прислушался. А где-то в бочке, под сиденьем, ждала своего часа ещё одна кружка вина.

— Смех — это хорошо, — сказал Диоген, отсмеявшись. — Значит, не совсем дурак. Дураки не смеются. Они либо плачут, либо спорят о воде и песке.

— Я, наверное, всё-таки дурак, — сказал я. — Идея безумная. Но других у меня нет.

— Безумные идеи — лучшие, — он похлопал меня по плечу. — Нормальные идеи нормальные люди пробовали полторы тысячи лет. Не сработало. Теперь попробуй ты, со своей безумной.

— Спасибо, Диоген.

— Не благодарю. Я помогаю не тебе, я помогаю себе. Если Игры состоятся, я буду их комментировать. У меня голос хороший, я две тысячи лет тренировался. И я наконец-то увижу что-то интересное в этом скучном санатории.

Он поднялся, потянулся и направился к бочке.

— Завтра, — сказал он на прощание, — иди к Цицерону. Расскажи ему идею. Он будет ворчать, ссылаться на регламент и отсутствие бюджета, но в конце концов согласится. Цицерон — бюрократ, но он любит, когда что-то происходит. Ему скучно так же, как и всем нам.

— А Вергилий? — спросил я.

— Вергилий — скептик, — Диоген махнул рукой. — Он всегда ворчит. Но он пойдёт за тобой. Потому что у него план по душам горит. Если ты застрянешь в Лимбе, он останется с тобой. А он этого не хочет.

Он нырнул в бочку, но через секунду снова высунулся.

— И вот ещё что, Данте. Когда будешь говорить с Цицероном, не называй это «Адскими играми».

— Почему?

— Потому что Ад — это серьёзно. Ад — это страдания, муки и наказания. А ты предлагаешь, по сути, спортивный праздник. Если ты назовёшь это «Адскими играми», Цицерон испугается, что Канцелярия не одобрит. Назови как-то иначе. Что-то нейтральное. Что-то, что звучит... ну, не знаю, официально.

— Например?

— «Лимбийские игры», — предложил Диоген. — Или «Игры Первого круга». Или «Великие состязания философов». Что-то с бюрократическим душком. Цицерон такое любит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.